А. А. НИКОНОВ

Монтескье

Его жизнь и учено-литературная деятельность

ГЛАВНЕЙШИЕ ИСТОЧНИКИ:

1. *Albert Sorel*. — Montesquieu.
2. *Milsand*. — Montesquieu et sa philosophie politique.
3. *Louis Vian*. — Histoire de Montesquieu
4. *Bardoux*. — Les legistes, leurs influence sur la socitété française.
5. *Ed. Laboulaye*. — Etudes sur “l’Esprit des lois” de Montesquieu.
6. *Paul Janet*. — Histoire de la science politique.

ВВЕДЕНИЕ

Немного найдется писателей, которые оказали бы такое глубокое и плодотворное влияние на своих современников, на монархов и государственных деятелей, на последующие поколения, и даже на положительное законодательство почти всех стран Европы, какое несомненно имел Монтескье.

Кроме того им не мало сделано для политических наук и для истории. Он был вторым после Вико[1] писателем, не только догадывавшимся, что историческими событиями правит не слепой случай или произвол, но убежденным в том, что в этой области, как и во всех мировых явлениях, все совершается по закону причинной связи. Он вполне справедливо считается одним из

основателей науки государственного права и предтечей немецкой исторической школы правоведов[2]. Но главная заслуга Монтескье перед человечеством и главное его значение в том, что он первый познакомил Европу с английскими государственными учреждениями, что он первый понял их значение и достоинства... В XIX веке эти учреждения в несколько измененном виде были заимствованы всей Европой и стали весьма важным фактором европейской культуры и цивилизации.

В первой половине XVIII века, когда писал Монтескье, еще только намечалась та масса самых близких для человека вопросов, которые впоследствии были выдвинуты мыслителями этой эпохи. Умы невольно обращались к исследованию условий общественной жизни, находившихся в явном несоответствии с народившимися и сознанными потребностями. Везде в Европе, кроме Англии, царил абсолютизм; личность была подавлена и массы находились в полурабском состоянии. На континенте Европы того времени не существовало человека и гражданина: были — дворяне, духовные, ремесленники, крепостные, свободные крестьяне, купцы, но вне этих узких сословных рамок человек сам по себе был ничто, так как государство того времени не хотело знать такого человека и признавало его только под каким-нибудь ярлыком.

Протест личности против векового гнета, против сословных рамок, стеснявших ее деятельность во всех направлениях, составляет лозунг философии XVIII века.

Особенно ярко и резко протест этот выразился во Франции. Блестящее по внешности царствование Людовика XIV[3] истощило страну; королевский произвол и злоупотребления больших и малых властей дошли до крайних пределов; экономические силы страны были подорваны; власть теряла свой авторитет в глазах всех. Чувствовалось, что такое положение долго продолжаться не может, — и мысль «философов» работала, раскрывая обществу глаза на настоящее и указывая на перспективы лучшего будущего.

Если Вольтер может считаться наиболее типичным представителем своего века в области верований и убеждений, если Руссо горячо призывает к братскому единению между людьми, то Монтескье является апостолом политического гражданства. Он прежде всего человек и гражданин и всегда и везде ищет и указывает те пути, какими человечество должно идти, чтобы признать и уважать гражданина в каждом человеке.

Но Монтескье не сразу был вполне понят и оценен своими соотечественниками. Сравнительная умеренность его взглядов, некоторая доля сословных предрассудков, не чуждых его произведениям, на каждом шагу встречаемые в них указания на необходимость считаться с действительностью и с наследием истории, все это не могло прийтись по вкусу французскому обществу XVIII века, готовившемуся к коренному пересмотру всего общественного строя. Более смелые, чисто рационалистические построения других его великих современников лучше отвечали господствующему настроению. «Персидские письма», гораздо менее глубокие в философском отношении, чем «Дух Законов», приняты лучше, чем это последнее произведение, и читались во всяком случае больше. Это потому, что Монтескье написал «Персидские письма» в то время, когда сам еще почти вполне подчинялся господствующему направлению и не успел занять еще того самостоятельного положения в умственном движении своего века, которое занял впоследствии с выходом в свет «Духа Законов». Но зато вне пределов Франции, в остальной Европе, где не было такого противоречия между настроением общества и действительностью, или потому, что эта действительность лучше отвечала назревшим потребностям, как например в Англии, или же потому, что само общество не было настолько подготовлено к освобождению от сковывавших его уз, как на континенте Европы, — там Монтескье скоро нашел ревностных приверженцев, старавшихся провести его идеи в жизнь, и между этими приверженцами его взглядов встречаются монархи и известнейшие государственные деятели.

Екатерина II, увлекавшаяся в юности французской философией вообще, остановилась на сочинениях Монтескье, потому что в них нашла более всего приложимых к жизни указаний, которыми, как ей казалось, можно будет воспользоваться. Она включила в свой знаменитый «Наказ» много взглядов, заимствованных у Монтескье, и сама писала, что «изрядно обобрала г-на президента для блага своих подданных». Грандиозная затея Екатерины не удалась, потому что была задумана слишком широко, да и взгляды самой императрицы, под влиянием дальнейших событий, успели измениться; но ее «Наказ» не остался без влияния на направление нашего дальнейшего законодательства, а провозглашение с высоты трона великих освободительных идей послужило сильным толчком к самосознанию русского общества.

Прусский кодекс 1792 г.[4] составлен под непосредственным влиянием «Духа Законов», и деятельность известного прусского министра-реформатора Штейна[5] получала вдохновение из того же источника. Вашингтон[6] был знаком с произведениями Монтескье, и американская конституция составлена не без заимствований из великого творения. В Англии Блэкстон[7], до сих пор считающийся авторитетнейшим знатоком по государственному праву, только развивал идеи Монтескье.

Что касается Франции, то и здесь в революционную эпоху делались попытки приложить на практике идеи Монтескье, окончившиеся неудачей, так как идеи эти были поняты слишком буквально и доведены до уродливой крайности. Я говорю о конституциях 1791 г. и VIII года республики[8], представлявших чересчур последовательное и узко понятое применение учения Монтескье о разделении властей и просуществовавших весьма недолго.

Даже люди, придерживавшиеся в своей политической деятельности направлений, резко расходящихся с личными взглядами Монтескье, почерпали из его произведений много полезных указаний, аргументов и теорий. Конечно они брали то, что им было нужно в данную минуту, умалчивая о том, что противоречило их деятельности, — и всегда находили что-нибудь пригодное для себя, так как Монтескье, будучи сторонником известного государственного строя для своей родины в свое время, не считал его абсолютно пригодным всегда и везде. Он старался понять и оценить всевозможные формы политических учреждений; поэтому-то из его произведений и могли черпать небесполезные указания даже люди, которые были бы его политическими врагами, если бы жили с ним в одно время, и поэтому его произведения долго еще не утратят своего значения, какие бы изменения государственного строя не суждено было в будущем пережить Европе.

I

ДЕТСТВО И ЮНОСТЬ

Предки и родители Монтескье. — Первые годы детства. — Пребывание в коллеже. — Изучение права. — Смерть отца и женитьба.

Шарль-Луи Секонда барон де Ла-Бред и де Монтескье родился в замке Ла-Бред близ Бордо 18-го января 1689 года.

Фамилию Монтескье, получившую всемирную известность, он принял впоследствии, в 1716 году, когда его бездетный дядя, которому эта фамилия принадлежала, под условием ее принятия завещал ему все свое достояние, состоявшее в обширных землях, в доме в Бордо и в должности президента бордоского парламента.

Монтескье принадлежал к довольно знатной дворянской фамилии. Его предки еще в хрониках XVI века упоминаются в качестве вассалов и придворных наварских королей, а в XVII веке его прадед Якоб Секонда получает от Генриха IV баронское достоинство.

Род Монтескье принадлежал к числу тех немногочисленных дворянских родов Франции, которые сохранили живую связь с провинцией, не растратили окончательно своего достояния и не обратились в льстивых и жалких придворных Короля-Солнца. Этому конечно в значительной степени благоприятствовало то обстоятельство, что еще дед Монтескье Жан-Батист-Гастон Секонда занимал должность парламентского президента в Бордо и что должность эта, по законам того времени, переходила затем к старшему члену рода. Младшие члены фамилии также занимали должности в провинциальной магистратуре и администрации и жили в Париже лишь временно.

Дело в том, что французское дворянство того времени резко делилось на родовое и служилое. Родовое дворянство, насчитывавшее длинный ряд благородных предков, имело доступ ко двору, занимало придворные должности и служило в королевской армии; служилое же дворянство, не имевшее свободного доступа ко двору, занимало должности по гражданской администрации и главным образом наполняло собою ряды магистратуры. Многие должности составляли частную собственность занимавшего их лица и могли передаваться по наследству или просто продаваться в другие руки с весьма незначительными ограничениями. Фран-

цузские короли, имея постоянную нужду в деньгах, создали массу должностей, с обладанием которыми было связано приобретение дворянства, и торговали этим товаром весьма бойко. Таким образом в среду высших сословий вливался постоянно свежий поток самых энергичных элементов буржуазии, — и служилое дворянство действительно составляло самую бодрую и здоровую часть привилегированных классов Франции. Но конечно родовая знать смотрела на него свысока — с тайной завистью и явным презрением.

Монтескье принадлежал по рождению к родовой знати, но его предки предпочли блеску придворной жизни хозяйство в своих поместьях и парламентскую службу, что указывает уже на значительную долю независимости их взглядов и характеров. Для характеристики предков Монтескье следует упомянуть еще здесь о том, что, приняв в свое время протестантизм, они вновь пришли в католичество вместе Генрихом IV, когда того потребовали обстоятельства, и выдвинулись на службе при самом просвещенном и либеральном дворе наварских королей.

О родителях Монтескье нам известно немногое. Отец его, как младший брат в семье, не получил родовых земель, но зато за женой взял в приданое замок Ла-Бред, в котором и жил большую часть своей жизни, занимая вместе с тем должность синдика[9] города Бордо. Это был человек, довольно просвещенный для своего времени, подобно своим предкам независимый во взглядах и мнениях, гордый своим благородным происхождением, но видевший свое достоинство не в одной близости к особе Короля-Солнца. Он был недурной хозяин и хороший семьянин.

Мать Монтескье, происходившая из английской фамилии Пенель, оставшейся во Франции после удаления англичан по окончании столетней войны, была женщина неглупая, очень религиозная и склонная к мистицизму. Она умерла рано, когда Монтескье было всего семь лет, оставив на руках его отца шестерых детей.

«Она была среднего роста, — пишет он, — бесконечно кротка и обладала чудным лицом. У нее был чисто мужской ум, способный интересоваться серьезными делами; она не имела пристрастия к пустякам. К детям своим она питала невыразимую нежность. Ее обыкновенным чтением было Евангелие. Я нашел после ее смерти плеть для бичевания и железный пояс, которые она употребляла при жизни, но о существовании которых я не знал».

***

Монтескье был крещен в приходской церкви, находившейся под патронатом его отца. Крестным отцом его был нищий, по имени Шарль, в честь которого и он также получил это имя. В молитвеннике одной крестьянки сохранилась заметка об этом крещении. «Крестным отцом был нищий Шарль, — пишет она, — чтобы постоянно напоминать ему (т. е. Монтескье), что бедные — его братья. Да сохранит Бог это дитя!» Обычай делать восприемниками своих детей нищих был довольно распространен во Франции, да и у нас в дореформенную эпоху в помещичьей среде нередко практиковалось то же самое.

Вскоре после рождения ребенок был сдан кормилице-крестьянке и находился на ее попечении в течение первых трех лет жизни на одной из пяти мельниц, имевшихся при замке. Ребенок родился слабым, но молоко здоровой кормилицы и может быть простота обстановки закалили и укрепили его организм.

Пребывание на мельнице до трехлетнего возраста несомненно имело значение для всей последующей жизни Монтескье. Он конечно не сохранил об этом времени воспоминаний, но здесь впервые выучился говорить на местном гасконском наречии и не забыл этого наречия впоследствии, благодаря тому, что поддерживал и потом, когда его взяли в замок, дружеские отношения со своим молочным братом Жаном Демарреном, впоследствии сделавшимся пастухом, и вероятно с другими своими сверстниками — крестьянскими ребятишками. Демаррен до того привязался к Монтескье, что всю жизнь сохранял к нему самые лучшие чувства и впоследствии даже пешком ходил в Париж, чтобы повидаться с другом детства. Когда Монтескье минуло три года, его взяли в замок. Из этого периода его жизни до самой отдачи в коллеж нам ничего неизвестно, но несомненно, что мать принимала известное участие в его воспитании, так как Монтескье сам свидетельствует, что она выучила его молитвам.

Несомненно только, что уже в эту пору Монтескье полюбил свою Гиень[10], свой замок и местный жаргон, следы которого встречаются во всех его произведениях. Монтескье даже любил щегольнуть в разговоре меткой и смелой «гасконадой[11]», остроумным замечанием, пословицей, присказкой; а черты гасконского характера — насмешливое остроумие, живость, подвижность, неустанная любознательность — составляют его отличительные

особенности. Замок Ла-Бред всю жизнь был любимым местопребыванием Монтескье, а другой великий гасконец — Монтень[12] — его любимым автором.

Франция того времени еще не была разделена на чисто административные округа, утратившие почти всякие местные особенности; напротив, каждая провинция сохраняла ясные следы своей особой исторической жизни, носила своеобразную физиономию, пользовалась часто особым правом, а Гиень сохранила черты своего прошлого свежее и ярче, чем другие провинции, так что даже в настоящее время гасконцы не утратили окончательно своей самобытности. Эта живописная страна с разнообразной растительностью, с мягким и здоровым климатом подвергалась постоянным вторжениям новых и новых племен, из которых каждое оставило свой след и часть своего гения. Римляне внесли сюда утонченность и понимание искусства, готы посеяли учение Ария[13], арабы — свою богатую культуру, Карл Великий[14] — католицизм, англичане в течение почти трехсотлетнего своего господства — зачатки муниципального самоуправления и наконец альбигойцы[15] и Генрих II [16] — религиозные смуты и войны. Под влиянием всего пережитого страной складывался гасконский характер — подвижный, смелый, насмешливый, несколько фривольный, хитрый, с значительной примесью скептицизма.

***

Едва Монтескье минуло семь лет, как неожиданно умерла в родах его мать, причем на руках отца осталось шестеро малолетних детей: Мария, Шарль-Луи, Тереза, Жозеф, Шарль-Луи-Жозеф и Мария-Анна.

Заботы об их воспитании сильно стесняли его, тем более, что старшей Марии было всего 9 лет. Вследствие этого, как только старший сын, составляющий предмет настоящего очерка, достиг десятилетнего возраста, отец решил отдать его в коллеж. Выбран был для этой цели коллеж оратории Жюилли[17] близ Мо, так как он пользовался заслуженной известностью и в педагогическом, и в гигиеническом отношении. В числе его преподавателей значилось несколько известных в свое время в богословской литературе имен, а местоположение в середине прекрасного парка позволяло воспитанникам хоть в свободные часы дышать чистым и здоровым воздухом.

11-го августа 1700 года Монтескье вступил в этот коллеж.

Несмотря на то, что коллеж принадлежал оратории и преподавателями его состояли исключительно духовные лица, само преподавание не носило исключительно клерикального характера; напротив, главное внимание было обращено на изучение литературы, особенно классической. Монтескье сам заявлял впоследствии, что, получив воспитание в этом коллеже, он тем не менее не знает истинной сущности католической религии. Но зато он прекрасно изучил классическую литературу и здесь впервые увлекся принципами философии стоиков, проникся уважением к древности, к республиканским учреждениям и к гражданской свободе.

Ранняя потеря матери и воспитание в коллеже вдали от остальной семьи наложили свою печать на характер Монтескье, и этим вероятно объясняется некоторая его сухость, сдержанность в выражении своих чувств и замкнутость. Монтескье даже в юности не отдавался вполне, без размышления, ни одному порыву.

***

В 1705 году 11-го же августа, день в день через пять лет после поступления в коллеж, Монтескье окончил курс и поехал к отцу в родной замок.

Отец Монтескье предназначал сына к магистратуре сообразно семейным традициям, и вероятно в это время в семье уже было решено, что после смерти дяди должность президента бордоского парламента перейдет к нему; а поэтому лишь только юноша приехал домой, как его засадили за изучение права.

Это занятие в то время представляло огромные трудности. Во Франции право почти не было кодифицировано; рядом с ордонансами королей, совершенно не приведенными в какую бы то ни было систему, действовали право римское и каноническое, разнообразные и несхожие местные обычаи. Кроме того надо было поглотить необъятную литературу всевозможных комментариев. Поглотить всю эту массу материала и не затеряться в мелочах, не сделаться приказным крючкотвором представлялось подвигом, недоступным обыкновенному уму, — и здесь-то Монтескье впервые обнаружил силу своего гения. Он весьма быстро ориентировался во всей этой груде текстов и составил план своих дальнейших занятий, сохранившийся в его бумагах, благодаря чему, он и не потерялся в том хаосе, а напротив вынес из своих занятий много общих идей и понимание значения права, как

одного из важнейших факторов государственной жизни. Очень может быть, что уже в это время в его голове начал слагаться неясный план великого творения, прославившего его имя. По крайней мере впоследствии Монтескье писал о своих юношеских занятиях юриспруденцией: «по выходе из коллежа мне в руки сунули книги по правоведению, и я стал искать идею права».

Но изучение права не поглощало всего времени Монтескье. Как человек живой, умный и блестящий, он любил общество, в котором сразу обратил на себя всеобщее внимание. Он был слишком молод и слишком разносторонен для того, чтобы похоронить себя на век в груде хотя бы самых почтенных книг.

В то время Бордо представлял собою один из выдающихся провинциальных центров интеллектуальной жизни Франции. Там был целый кружок просвещенных лиц, главным образом из адвокатов и членов магистратуры, интересовавшихся литературой, наукой и искусством и работавших совместно. Из этого кружка впоследствии возникла Бордоская академия[18], открытая с разрешения короля в 1713 году. Монтескье был радушно принят в этом кружке, но не ограничивал им своих знакомств: он бывал всюду и со многими из знакомых этого периода своей жизни оставался в дружеских отношениях до самой смерти.

Монтескье любил и дамское общество и в нем пользовался не меньшим успехом. Но он лично кажется во всю свою жизнь ни разу серьезно не любил ни одной женщины. Бывали конечно увлечения, но рассудочность и скептицизм брали свое. Он вообще относился к женщинам довольно презрительно и предпочитал не особенно красивых. «Некрасивые женщины обладают грацией, что редко встречается среди красивых, — писал он. — Я был довольно счастлив, привязываясь к женщинам, любви которых я доверял. Лишь только уверенность эта исчезала, я моментально развязывался с ними».

Худой, невысокого роста, с живым взглядом, с насмешливой улыбкой на устах, он не был особенно красив, но зато отличался изяществом всей фигуры, каждой черты лица и редкой правильностью профиля. Разговор его был образен, жив, остроумен. Он пересыпал его при случае колкими и едкими замечаниями, веселыми шутками, необыкновенными сравнениями, смелыми парадоксами.

***

В 1713 году умер отец Монтескье, и дядя, ставший его опекуном, чисто по-римски понял свои обязанности и постарался как можно скорее женить племянника на девушке с хорошим приданым и определить его на службу в парламент, пока в качестве члена. Дядя деятельно подыскивал невесту для Монтескье и остановил свой благосклонный выбор на Жанне Лартиг. Это была безобразная, хромая девушка, обладавшая зато солидным приданым, заключавшимся в ста тысячах ливров денег и в наследственных правах на поместье ее отца — Клерак.

Брак Монтескье едва не расстроился, так как невеста была ревностной кальвинисткой, а после отмены Нантского эдикта[19] не только потомство от браков кальвинистов с католиками считалось незаконным, но и самый факт принадлежности к запрещенной религии рассматривался как уголовное преступление. Об обращении невесты в католичество не могло быть и речи. Пришлось обойти закон, что удалось сделать без труда, так как католическому священнику, венчавшему Монтескье, не пришло и в голову осведомляться о вероисповедании невесты. Совершен был брак 30-го апреля 1715 года без всякой торжественности всего при двух свидетелях, из которых один едва умел расписаться в церковной книге.

Монтескье, по свидетельству его друзей, никогда не любил своей жены. В семье он искал только продолжения своего рода. Но его семейная жизнь шла тихо и покойно, может быть благодаря бесцветности и покорности жены, примирившейся со своим положением и переносившей по-видимому довольно хладнокровно неоднократные измены супружеской верности со стороны Монтескье, о которых она не могла не знать.

В «Духе Законов» мы находим его взгляды на брак. «Девушки, для которых только с браком открываются удовольствия и свобода, — говорит он, — которые обладают умом, не осмеливающимся думать, сердцем, не смеющим чувствовать, ушами, не смеющими слышать, и глазами, не смеющими видеть, — девушки достаточно расположены к браку; но юношей к нему приходиться побуждать. Так как роскошь монархии делает брак дорогим и обременительным, то побуждением к нему должно служить богатство, которое могут принести с собой жены, и надежды на потомство».

Надежды Монтескье на потомство оправдались очень скоро, и через год после женитьбы у него родился сын.

II

НАЧАЛО ЛИТЕРАТУРНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ И «ПЕРСИДСКИЕ ПИСЬМА»

Монтескье президент парламента. — Бордоская академия. — Первые труды Монтескье. — «Персидские письма». — Состояние Франции во время выхода их в свет. — Их значение и содержание. — Отношения к «Персидским письмам» автора, общества и властей.

В 1716 году, как уже сказано в начале первой главы, умер дядя Монтескье, и он двадцатисемилетним юношей занял видное положение президента парламента[20]. О том, как ценилась эта должность и как ее добивались, можно судить до известной степени по громадности цены, за какую покупалась она: а цена ее колебалась от 1 000 000 до 500 000 ливров.

Монтескье вначале ревностно принялся за исполнение своих новых обязанностей тем более, что после смерти Людовика XIV парламенты подняли головы, надеясь вернуть свое прежнее значение и освященное историей право делать королю представления о неудобствах изданных им ордонансов, благодаря которому они пользовались прежде известным политическим значением.

Вскоре однако абсолютизм, даже в лице Филиппа Орлеанского[21], восторжествовал над парламентской оппозицией, — и парижский парламент в полном составе был выслан в провинцию. Может быть этим отчасти можно объяснить дальнейшее охлаждение Монтескье к своей служебной деятельности, так как он ценил значение привилегированной и наследственной магистратуры именно постольку, поскольку она была независима и представляла собой посредствующую власть, обеспечивающую граждан монархии от произвола и беззакония.

Но были конечно и другие причины. Прежде всего по самому своему характеру Монтескье никогда не мог сделаться настоящим чиновником и крючкотвором. Парламентские акты и протоколы представляли чересчур сухую пищу для его беспокойной любоз-

нательности. Он сам жаловался, что его удручают бесконечные и бесцельные формальности парламентской процедуры того времени.

Поэтому весьма естественно, что Монтескье искал иной деятельности и находил большее удовлетворение, принимая живое участие в трудах Бордоской академии, членом которой он был избран в том же 1716 году.

Но тем не менее он добросовестно исполнял свои обязанности по парламентской службе и даже в особенно трудных случаях именно ему парламент поручал дело. Так например, в 1722 году вино, вывозимое из Гиени, было обложено очень высокой пошлиной, которая грозила подорвать виноделие в провинции. Находя эту пошлину вредной для интересов подведомственного ему округа, Бордоский парламент решился воспользоваться древним правом заявлять королям о неудобствах новых законов, и хотя королевская власть не желала признавать этого права, отправил Монтескье в Париж с целью добиться отмены только что введенной пошлины. Монтескье добился аудиенции у регента, убедил его в справедливости заявлений парламента, — и пошлина была значительна понижена.

***

Успехи, сделанные в начале XVIII века естествознанием, а главным образом величие открытий Ньютона, сделали занятия этой отраслью наук положительно модными. Не только академии и ученые общества, но просто образованные люди и даже дамы бросились смотреть в телескоп, собирать всевозможные коллекции, ботанизировать, измерять и взвешивать все окружающее. Бордоская академия не составляла исключения, и Монтескье также поддался общему увлечению. Он занимался по очереди чуть не всеми отраслями естественных наук и написал для академии массу докладов, из которых большинство блещет остроумием, смелыми парадоксами, поражает обилием гипотез, но тем не менее в научном смысле мало чем отличается от подобных же докладов его бордоских коллег, канувших в вечность вместе со своими произведениями. Стоит только перечислить заглавия работ Монтескье в это время, чтобы понять, что они не могли представлять из себя чего-нибудь особенно ценного. Действительно, он писал: «Рассуждение о системе идей», «Исследование о сущности болезней вообще», «О причинах эхо», «О политике римлян в области

религии», «О тяжести», «О приливах и отливах», «Замечания о естественной истории», «О прозрачности тел» и т. д. Очевидно, что его беспокойная любознательность искала выхода, старалась найти для себя подходящую почву. Он бросался из стороны в сторону, хватался за все, что попадалось под руку, но ни на чем не мог остановиться. Казалось бы, что подобная работа должна вредно отозваться на человеке, сделать из него верхогляда и неисправимого дилетанта. Но гений из всего умеет извлечь для себя пользу, — и Монтескье вынес из этих занятий умение наблюдать и систематизировать факты, собирать необходимые данные. Из всего, написанного им за это время, наибольшее значение имеет небольшое рассуждение «О политике римлян в области религии». В нем Монтескье выказывает уже всю глубину своего понимания истории Рима; здесь он в своей сфере, и на этот его небольшой труд можно смотреть, как на первую попытку оценки римской политики, как на предтечу «Размышлений о причинах величия и падения римлян».

Но особенно полезным для Монтескье было то, что в качестве президента Бордоской академии, он мог завязать сношения с ученым и литературным миром не только Франции, но и других стран. В течение описываемого периода он вел обширную переписку с отдельными учеными и с членами других академий по самым разнообразным научным вопросам. К его имени привыкали, оно становилось известным даже вне пределов Франции, хотя пока еще и не было подписано ни под одним выдающимся трудом. Это конечно не осталось без влияния на быстроту успеха его позднейших произведений. Кроме того, когда он впоследствии отправился путешествовать по Европе, то почти везде у него нашлись, если не знакомые, то знавшие его люди, благодаря которым он получал доступ в среду избранного общества каждой посещенной им страны.

В это же время Монтескье работал над своими «Персидскими письмами», сразу завоевавшими ему громадную популярность в среде современников.

«Персидские письма» появились в 1721 году без имени автора, с ложным обозначением места издания.

Книга произвела всеобщую сенсацию и, несмотря на запрещение, расходилась в громадном количестве экземпляров, вызывая самые разноречивые толки, но возбуждая общий интерес

и любопытство. В один год она выдержала четыре авторских издания и четыре контрафакции.

Действительно, «Персидские письма» вполне отвечали настроению общества. Монтескье сумел в легкой и общедоступной форме выразить то, что носилось в воздухе, что думали многие. Старая Франция разрушалась на глазах у всех, и Монтескье, нарисовавши смелую и яркую картину этого разрушения и осмеивая отжившие принципы, сам в значительной степени способствовал его ускорению, хотя может быть и не желал этого.

После смерти Людовика XIV Франция как бы очнулась от тяжелого и долгого сна. Протестантские эмигранты еще при жизни Короля-Солнца наводняли страну памфлетами и сатирами и приучили общество втихомолку рассуждать о том, что не все в делах Франции блестит и сияет так ярко, как двор короля. Но вот Людовика XIV не стало. Малолетний король[22] конечно не мог никому внушать страха, а регент счел за лучшее сдать управление делами министрам и предаться на свободе разврату и культу чувственных наслаждений. Ему самому надоела лицемерная чопорность, царившая при дворе в последние годы жизни короля, а потому он довольно мягко относился даже к явно выражавшемуся недовольству политикой Людовика.

По примеру регента все общество, наскучив лицемерным ханжеством, с удвоенным рвением пыталось наверстать потерянное время. В промежутках между оргиями осмеивалось почти открыто все, чего с величайшей осторожностью едва осмеливались касаться еще так недавно самые отважные люди. Сама администрация стала гораздо легче смотреть на литературу всевозможных памфлетов, размножавшуюся с каждым днем. Религиозные споры по поводу отмены Нантского эдикта и булла Unigenitus[23] волновали богословов, а общество насмешливо следило за тем, как во взаимной войне враждующие партии подрывали окончательно всякий авторитет духовной власти. Джон Ло[24], обещавший обогатить всех, разжег страсти к наживе, а колоссальный крах его знаменитого предприятия, разоривший многих богатых лиц и выдвинувший новых богачей из толпы, окончательно пошатнул устои старой Франции.

Вот в такое-то время появилась книга, автор которой в изящной, легкой и общепонятной форме с самой тонкой и едкой иронией касается весьма жгучих вопросов современности, не останавливаясь ни перед чем.

Тут трактуется и о булле Unigenitus, и о системе Ло, и о религии, и о политических вопросах, и о морали; тут осмеиваются монахи, министры, нравы, король, папа, само общество. Словом, вся старая Франция предстала перед судом каждого совершенно обнаженная, безо всяких прикрас, — и общество не могло не заметить всего безобразия, дряхлости и явных следов чересчур бойкой жизни этой некогда почтенной старушки.

Подробно останавливаться на изложении взглядов Монтескье по всем почти вопросам, волновавшим французское общество, разбросанных без всякого порядка иногда в виде коротких и метких афоризмов на всем протяжении «Персидских писем», а также на отдельных нарисованных им типах своих современников — значило бы выписывать целые страницы in ixtenso[25], так как сделать это другим способом, т. е. пересказать что-либо из «Персидских писем» «своими словами» положительно невозможно и просто грешно. В этом произведении Монтескье содержание до того слито с формой, мысли выражены так ярко, образно и коротко, такая художественная прелесть заключается часто в резких переходах и скачках от одного предмета к другому, что с ним возможно только непосредственное ознакомление. К тому же личные взгляды Монтескье на вопросы политики, религии и философии, могущие иметь значение в настоящем очерке, в «Персидских письмах» являются не всегда окончательно сложившимися и вполне выраженными, а потому ознакомление с ними мы и откладываем до главы, посвященной «Духу Законов», т. е. тому произведению нашего автора, где его взгляды нашли себе гораздо более полное выражение.

Канва, по которой вытканы блестящие узоры «Персидских писем», весьма проста: два знатных перса — Рика и Узбек едут во Францию и делятся со своими персидскими друзьями получаемыми впечатлениями. Узбек, человек более рассудочный, постоянно задумывающийся над всем окружающим, напоминает по своему характеру и складу ума Монтескье, который, как полагают, и хотел в лице Узбека изобразить самого себя. Рика, напротив, человек увлекающийся, веселый, насмешливый, но несомненно, что и в его уста Монтескье влагает нередко свои собственные мысли и может быть в его лице изображает, пожалуй помимо собственного желания, другие черты своего собственного характера. Действительно, если Узбеку придать немного весело-

сти, шутливости и живости Рика, то он еще более будет походить на создавшего его автора.

Монтескье имел обыкновение ежедневно записывать свои наблюдения и впечатления. Очень вероятно, что из подобного дневника и возникли «Персидские письма». Но тем не менее окончательная обработка их поглотила немало труда. Монтескье по нескольку раз переделывал и изменял некоторые места, отделывал каждую фразу.

Критики доказывали, что план этого произведения и самая идея вложить свою сатиру в уста персов заимствованы Монтескье. Но подобное заимствование нисколько не лишает «Персидских писем» их оригинальности. План их — последнее дело. Персы Монтескье сильно смахивают на французов и наряжены они в персидские халаты только для того, чтобы хоть сколько-нибудь смягчить горечь преподносимой пилюли, так как для персов французские законы не писаны, и они могут потому говорит о французских порядках и о французах все, что им вздумается.

Определить точно, когда Монтескье начал свой труд, почти невозможно. Первое из писем носит дату 11-го января 1711 г., и поэтому весьма возможно, что задуманы они вскоре по выходе Монтескье из коллежа, но, как сказано выше, перед выходом своим в свет они были переделаны автором от начала до конца. Один из его современников свидетельствует, что он «видел первый набросок, который впоследствии был совершенно изменен».

Окончил Монтескье свою книгу в 1720 году и прежде, чем решиться на ее издание, он поехал посоветоваться к своему старому учителю из коллежа, некоему Демоле, довольно известному в свое время критику. Демоле, как священник, не советовал Монтескье издавать «Персидских писем», находя в них слишком много непозволительных с точки зрения доброго католика мест, но, как недюжинный критик, он не мог не прибавить, что «раскупаться будет эта книга, как хлеб». Изданы были «Персидские письма» в Голландии, издавна снабжавшей Францию нелегальными изданиями, под наблюдением секретаря Монтескье, Дюваля, сделавшегося впоследствии аббатом.

Сам Монтескье относился к «Персидским письмам» не особенно серьезно, сознавая, что то, что здесь разбросано в виде отдельных блестящих и не всегда ясных намеков, он в состоянии обработать гораздо полнее и серьезнее.

Он неохотно признавал свое авторство, боясь может быть неприятностей с властями, но успех книги льстил его самолюбию. Раз его младшая любимая дочь развернула при нем «Персидские письма», но Монтескье остановил ее и сказал: «Оставь, — это книга моей юности, но она не годится для твоей». «У меня болезнь — писать книги, — говаривал он также, — и стыдиться их, когда я напишу».

К удивлению на «Персидские письма» не обратила особого внимания духовная власть, хотя и раздались отдельные голоса, призывавшие кару на автора. Впрочем богословы заняты были спорами о булле Unigenitus и им было не до Монтескье. Что же касается светской власти, то она смотрела на дело сквозь пальцы, так как самому регенту пришлась по вкусу сатира, касавшаяся непосредственно не его, а нелюбимого им Людовика и его времени. Да к тому же чтение ее доставляло несомненное удовольствие; нельзя было местами не посмеяться вместе с автором, а это было главное для веселого регента. Несмотря на предосторожности, имя автора стало неофициально известно всем и переходило из уст в уста.

III

ЖИЗНЬ В ПАРИЖЕ И ПУТЕШЕСТВИЯ

Салон аббата Олива. — Клуб Антресоля. — M-lle де Клермон и храм в Книде. — Первая кандидатура в академии. — Продажа должности президента и окончательное переселение в Париж. — Подготовка материалов к «Духу Законв». — Г-жа де Ламбер и принятие в Парижскую академию. — Заграничная поездка. — Знакомства. — Заметки Монтескье. — Пребывание в Англии.

Вскоре по выходу в свет «Персидских писем» Монтескье переселился в Париж. Влекло ли его сюда желание насладиться так быстро доставшейся ему славой и известностью, или же он желал, воспользовавшись тем, что теперь для него открылись двери самых известных литературных салонов, пополнить круг своих наблюдений и почерпнуть новые сведения в живой беседе с из-

вестнейшими людьми, наполнявшими эти салоны, но во всяком случае в Париже он бывал всюду, заводил массу новых знакомств и своим умом и обращением только увеличивал количество своих поклонников и поклонниц.

Вначале он особенно усердно посещал салон аббата Олива[26], но здесь он поссорился с неким священником Турнемином[27], желавшим играть в этом салоне первую роль и в весьма грубой форме отзывавшимся о «Персидских письмах». Монтескье мстил потом заносчивому патеру тем, что когда при нем произносили имя Турнемина, то он самым серьезным образом делал вид, что в первый раз слышит о нем, а услужливые друзья конечно передавали об этом Турнемину.

Тогда Монтескье сошелся с другим кружком, поставившим себе целью изучение политических наук и политических вопросов и носившим несколько странное название клуба Антресоля[28]. Дело в том, что квартира, в которой собиралось по субботам общество, помещалась в Антресоле. Основателями клуба были член французской академии аббат Алари[29], и изгнанный из отечества после революции 1688 года[30] английский эмигрант милорд Болингброк[31], человек замечательный во многих отношениях. На родине он пользовался до изгнания значительным политическим влиянием, приобретенным, благодаря выдающемуся ораторскому таланту, смелости и последовательности своих взглядов и поступков. Тут собирались кроме того литераторы, ученые, дипломаты, члены магистратуры. Из остальных членов кружка, ради его характеристики, заслуживают упоминания аббат Сен-Пьер[32], оставивший массу проектов различных реформ, д'Аржансон[33], которого в шутку прозвали государственным секретарем Платоновской республики за мечтательный и утопический характер его произведений, Плело[34], составивший для клуба «Рассуждение о различных формах правления» и сделавшийся впоследствии искусным дипломатом.

Каждую субботу члены этого оригинального клуба проводили вместе три часа, причем в течение первого часа сообщались политические новости, в течение второго шло обсуждение событий дня, а третий посвящался чтению трудов или рефератов кого-нибудь из членов.

Это общество оказалось гораздо более подходящим для Монтескье, чем салон аббата Олива. Милорд Болингброк своими рассказами об Англии и английских порядках может быть впервые

обратил внимание Монтескье на замечательные учреждения этой страны. Непринужденность во взаимных отношениях и полное внимание к противоположным мнениям делали собрания клуба весьма оживленными и приятными. Монтескье был здесь в своей сфере.

При принятии его в число членов, на него, по обычаю, возложили обязанность написать и прочесть какой-нибудь реферат, и он прочел диалог «Сулла и Эвкрат»[35], который кажется был уже им читан раньше в Бордоской академии.

Содержание диалога несложно и состоит в том, что Сулла, сложив с себя добытую путем ряда насилий власть, желает найти себе оправдание и беседует на эту тему с философом Эвкратом.

В этом диалоге, не имеющем особенно серьезного значения, Монтескье обнаруживает лишь свое давнишнее знакомство с классической древностью и обычное умение облекать в самую легкую и изящную форму отвлеченнейшие рассуждения. Характеры действующих лиц обрисованы ярко и живо, и особенно хороша в художественном отношении защита Суллою произвола сильного человека, захватившего власть, чтобы не подчиняться самому, и весьма характерна его наивно-зверская философия.

Но парижская жизнь втягивала Монтескье все в новые и новые знакомства уже в других кругах. Он впрочем сам был любителем общества вообще, а дамского в особенности и далеко не избегал его. По этому поводу в «Духе Законов» находим следующие строки: «Приятно жить в таком климате, который делает возможным взаимное общение, где прекрасный пол украшает общество и где женщины, сохраняя себя для удовольствий одного, служат развлечением для всех».

Монтескье посещал Шантильи, замок герцога Бурбонского[36], сменившего умершего в 1723 году Филиппа Орлеанского. Здесь собирались дамы, ученые, литераторы, художники и праздники сменялись праздниками. Немного ханжа, герцог Бурбонский тем не менее не прочь был повеселиться и, восстановляя строжайшие ордонансы Людовика XIV против янсенистов[37] и протестантов, заботился о роскошном убранстве своего замка, потратив на это значительные суммы.

Здесь-то сестра фаворитки герцога, маркизы При[38], m-elle Клермон[39], открыто жившая с графом Мелюном[40], обратила внимание на молодого, умного, веселого президента, только что прославленного, благодаря «Персидским письмам». Это была

молодая двадцатисемилетняя красавица, принцесса крови, происходившая от мадам Монтеспан[41], веселая, полная жизни и соскучившаяся очевидно со своим Мелюном, который, по словам Вольтера, «обладал большей добродетелью, чем привлекательностью».

Мадам Жанлис[42] выставила ее в качестве героини в одном из своих романов; сам Вольтер посвятил ей одно из своих произведений[43]. Натье[44] написал картину, в которой она изображена в греческом костюме в виде Наяды, а Монтескье сочинил в честь ее поэму «Храм в Книде». Это произведение не представляет ничего особенного и, как все ложноклассические поэмы того времени, наполнена сантиментальными рассуждениями рядом с довольно прозрачными намеками на вещи не совсем скромные, пересыпана аллегориями и блещет более галантностью, чем поэзией.

M-elle Клермон так или иначе дарила очевидно своею благосклонностью автора «Персидских писем», так как сохранилось в ящике Монтескье три восторженных любовных его послания к ней, которые он хранил до самой смерти с большой бережностью. Вскоре однако эта интрига прекратилась, неизвестно почему.

«Храм в Книде» долго ходил по рукам, пока один французский журнал, издававшийся в Голландии, не напечатал его текста с примечанием, в котором прямо говорилось, что это — произведение автора «Персидских писем». В 1725 году Монтескье издал его сам, но под псевдонимом греческого епископа, в бумагах которого будто бы была найдена рукопись.

Монтескье впоследствии долго не признавался в написании этой поэмы[45]. Тем не менее конечно имя автора не было тайной ни для кого. Несмотря на сравнительное ничтожество «Храма в Книде», он понравился в салонах, — и друзья Монтескье обоего пола поставили в том же году его кандидатуру в академию. Но на этот раз он потерпел неудачу, так как его недоброжелатели откопали старое правило, в силу которого лицо, не живущее постоянно в Париже, не могло быть принято в члены академии.

Монтескье решился поселиться в Париже и развязаться с Бордо, к которому его привязывали парламент и местная академия. Что побудило Монтескье решиться порвать с парламентом и Бордоской академией — сказать трудно; может быть тут играло известную роль уязвленное самолюбие и желание во что бы то ни стало попасть в члены Французской академии, может быть просто в Париже он нашел более подходящее общество, может быть желал

иметь больше досуга для литературных занятий, но во всяком случае решение было принято, и Монтескье уехал в Бордо, чтобы устроить свои дела. Ему однако пришлось выдержать некоторую борьбу со своими коллегами по парламенту и академии, так как ни те, ни другие не желали отпустить его.

Может быть ради этого коллеги Монтескье по Бордоской академии выбрали его президентом. Он за свое короткое пребывание в Бордо успел прочесть в академии два новых труда: «Общее рассуждение об обязанностях человека» и «О различии между уважением и известностью». Первый из этих трудов представляет беглый набросок и имеет лишь биографическое значение, указывая на то, что Монтескье уже тогда признавал важность сравнительного изучения законодательств различных стран и эпох.

Кроме того он вынужден был, по обычаю, после выбора в президенты, произнести речь, темой которой и избрал панегирик в честь герцога де Ла Форс[46], покровителя академии, известного взяточника, сделавшегося тем не менее впоследствии другом Монтескье. В это же время англичанин Генрих Селли, проживавший во Франции по приглашению герцога Орлеанского, изобрел новый маятник, с помощью которого надеялся более точно измерять время на кораблях в море.

Для опытов избран был Бордо. Академия решила оказать ему содействие, так как это изобретение обещало дать возможность более точного определения долготы. Это еще несколько задержало Монтескье, который заинтересовался и изобретением, и личностью Селли. Впоследствии несчастный изобретатель, потеряв все свое состояние, обратился за помощью к Монтескье в довольно оригинальной форме.

Он написал ему буквально следующее: «Я страстно желаю повеситься, но полагаю, что не повесился бы, если бы имел 100 экю». Монтескье послал ему эту сумму.

Теперь в академии все дела были покончены и Монтескье мог бы переселиться в Париж, но еще надо было покончить с парламентом. К тому же в это время у него родилась дочь, что также несколько задержало его. Монтескье наконец продал свою должность до своей смерти с тем, чтобы она потом перешла вновь к его сыну. Официально он выставил мотивом своего удаления желание посвятить свое время труду о законодательстве. В этом была значительная доля истины, так как он несомненно в это время уже весьма серьезно работал над «Духом Законов».

Еще после выхода из коллежа, как припомнит читатель, Монтескье, занятый изучением права, по собственным его словам, искал духа и общего смысла законов. Он с тех пор записывал все свои мысли, касающиеся этого предмета, делал выписки из прочитанного, если они могли послужить ему для той же цели, — словом, очевидно носился с мыслью об обширном сочинении, план которого может быть не был еще ему ясен. Но к описываемому времени несомненно существовал набросок первых 10 книг «Духа Законов», так как эта часть сочинения резко отличается от остальной даже в законченном виде. Здесь больше сходства с «Персидскими письмами», — то же непонимание парламентских учреждений; нет детального знакомства с государственным устройством Англии, больше общих мест и т. д. Словом, очевидно, что эта часть написана до поездки в Англию и приблизительно современна «Персидским письмам». Монтескье говорил по поводу «Духа Законов»: «это книга двадцати лет, результат двадцатилетних трудов»; значит, «Дух Законов», вышедший в свет в 1748 г. начат ранее поездки в Англию, т. е. ранее 1730 года.

***

Устроив таким образом дела, Монтескье переселился наконец в Париж, где поселился в небольшой скромной квартире на улице Сен-Доминик-Сен-Жермен, проводя с тех пор половину года здесь, половину в своем замке в течение почти всей последующей жизни, если не считать путешествий. По приезде в Париж Монтескье принялся за осуществление своего давнишнего желания попасть в члены Парижской академии. Для этого было далеко недостаточно одних литературных и ученых заслуг. Требовалось еще заручиться благосклонностью двора, первого министра, в то время кардинала Флери[47], академиков и г-жи де Ламбер[48], в салоне которой собиралось избранное общество и содействие которой было пожалуй важнее всего прочего. Монтескье деятельно принялся за дело.

Он начал атаку с m-elle Клермон, которая после смерти герцога Мелюн и изгнания из Франции ее брата, вела довольно скромную и уединенную жизнь, насколько конечно ей позволяло ее положение при дворе и в обществе, и казалась неутешной. Монтескье написал ей в утешение новую поэму под названием «Путешествие на Пафос». Эта поэма, подобно «Храму в Книде», написана в ложноклассическом духе. Здесь те же аллегории, действуют те

же древние боги, смахивающие на французских кавалеров и дам, а герцог Мелюн изображается под видом Адониса, убитого на охоте зверем, как и было в действительности с герцогом. Эта поэма появилась в «Меркурии Франции»[49] в декабре 1727 года.

Собственно по выполнению она выше «Храма в Книде»[50]. В высшем обществе она произвела требуемое действие, и о Монтескье вновь заговорили; он вновь подогрел благосклонность многочисленных высокопоставленных друзей m-elle Клермон.

Продолжал он посещать и клуб Антресоля, который в то время деятельно занимался вопросами текущей политики, почему находился в подозрении у кардинала Флери, который и закрыл его вскоре, именно в 1730 году.

Монтескье прочел в клубе реферат «О финансах Испании», который затем был включен в несколько измененном виде в «Дух Законов». Этот реферат, полный весьма ценных наблюдений и глубоких мыслей, обратил на себя внимание членов клуба, между которыми было много академиков. Затем ему оставалось только проникнуть в салон г-жи де Ламбер, где он вскоре и появился, благодаря содействию Фонтенеля[51].

Маркиза де Ламбер, в то время уже вдова, собирала в своем блестящем салоне высшее общество, некоторых избранных литераторов, академиков, членов магистратуры. Тут бывали Фонтенель, Мерон, аббат Монго, Шуази, Гено, Сази, Мен. Д'Аржансон говорил о маркизе, что «она сделала академиками половину всего современного состава академии», и это было очень близко к истине. Доступ в этот аристократический салон был нелегок, и посещавшие его лица подвергались самой строгой критике; но Монтескье скоро обратил на себя и тут всеобщее внимание и приобрел новых друзей и поклонников. Он читал здесь отрывки из своего рассуждения «О счастье»[52].

***

26 октября 1727 года умер академик Луи Сази, также посещавший, как сказано выше, салон маркизы Ламбер, и таким образом открылась вакансия.

Сейчас же друзья Монтескье заговорили о его кандидатуре. Это было тем естественнее, что уже однажды кандидатура его была поставлена, и если Монтескье и потерпел в первый раз неудачу, то во всяком случае не был забаллотирован. Маркиза Ламбер со своей стороны замолвила, кому следует, слово, так что сам

кардинал Флери, отвечая на сообщение секретаря академии об открывшейся вакансии, написал ему, что лично не имеет своих протеже и вполне полагается на выбор академии, причем прямо упомянул имя Монтескье, как вероятного кандидата. В самой академии особенно ревностно поддерживал кандидатуру Монтескье аббат Монго, бывший преподаватель герцога Орлеанского, человек довольно влиятельный.

Успех таким образом казалось был обеспечен, как вдруг дело приняло дурной оборот. Тот самый Турнемин, с которым Монтескье имел ссору и из-за которого разошелся с кружком аббата Олива, обратил внимание Флери, как оказалось, не читавшего «Персидских писем», на некоторые особенно резкие места книги, касающиеся королевской власти и папы. Кардинал Флери вознегодовал конечно. Академики, собравшиеся уже для выборов, узнали, что кардинал накануне сказал: «выбор, который намерена сделать академия, не может быть одобрен ни одним честным человеком». Слова первого министра произвели свое действие, и сейчас же в среде самих академиков недовольные кандидатурой Монтескье члены подняли головы, повели враждебную ему агитацию и заговорили о тех местах «Персидских писем», которые задевали саму академию. Однако маршалу Д'Эстре[53], стороннику и другу Монтескье, удалось добиться резолюции, по которой выборы, за неявкой достаточного количества членов, были отложены на девять дней. Маршал надеялся как-нибудь поправить дело за это время. Монтескье однако был сильно недоволен и огорчен случившимся; он подумывал об оставлении Франции и говорил, что за границей сумеют лучше оценить его заслуги, чем на родине; Маршал предлагал было вознаградить его пенсией, но Монтескье, будучи вообще человеком расчетливым и даже несколько скупым, возмутился однако этим и отказался наотрез. «Я не делал низостей, — писал он, — а потому не нуждаюсь для своего утешения в милостях». Наконец было устроено свидание между Монтескье и Флери, в результате которого получилось более благосклонное отношение кардинала к новому кандидату в члены академии. Что произошло между ними, неизвестно, но во всяком случае весьма вероятно, что Монтескье пришлось, если не отречься от некоторых мест своей книги, то покривить немного душой. Вольтер передает даже, что Монтескье успел за эти дни выпустить новое издание писем, в которых он изменил места, неприятные Флери; но его свидетельство, в виду всегдашнего его враждебного отношения к

Монтескье, вряд ли можно принять за совершенно достоверное. Как бы то ни было, после того Монтескье был выбран в члены академии, хотя противники его не слагали оружия до последнего дня, и он, благодаря этому, получил довольно значительное количество черных шаров. По обычаю, после принятия в члены академии, Монтескье произнес речь, предметом которой было восхваление заслуг его предшественника Сази, а также — Ришелье и Людовика XIV. Не забыт был и Флери.

Странно должно быть звучали похвалы Королю-Солнцу в устах автора XXII Персидского письма[54]!

Добившись таким образом того, что двери академии открылись перед ним, Монтескье не особенно ревностно посещал ее заседания. Впрочем оно и понятно: для него вступление в академию было лишь вопросом честолюбия — не более; а заседания Французской академии уже и в то время не отличались ни особой живостью, ни особым интересом. Не связанный более ничем, Монтескье решился отправиться путешествовать, чтобы узнать на месте быт и учреждения других стран, что было ему необходимо для его главного труда, — в это время «Дух Законов» уже стал целью его жизни.

***

Мы так долго останавливались на перипетиях мелочной личной борьбы друзей и врагов Монтескье и на тех приготовлениях, которые ему пришлось сделать, чтобы попасть в члены академии, п. ч. они, по нашему мнению, лучше всяких общих рассуждений характеризуют общество и время, в которое жил Монтескье, а также и потому, что при подобной мелочной борьбе и мелких уколах самолюбию лучше всего сказывается характер человека. Если мы при этом заметили, что Монтескье не чужд был недостаткам своего времени, что он при случае шел на сделки с самим собою в угоду сильных мира, то не следует забывать, что рассуждавшее о свободе общество его времени было еще насквозь пропитано привычками, приобретенными в Версали.

Нет, в нем много было гордости и сознания собственного достоинства, если он решился отказаться от солидной пенсии, чего не сделало бы большинство его современников, и серьезно говорил об оставлении Франции. Ведь, предлагая Монтескье в виде утешения за неудачи пенсию, герцог Д'Эстре, его друг, не хотел оскорбить его.

Значит, в нравах того времени было утешаться подобным образом. Вольтер при случае пускал в ход прямую лесть, Бюффон[55], когда Сорбонна стала к нему придираться, отрекся от всех еретических мест своей книги и сам смеялся потом над этим.

Чтобы пользоваться каким-либо влиянием во Франции XVIII века, необходимо было быть принятым в высшем обществе, а оно не терпело в своей среде людей, слишком резко выделявшихся своими поступками, и налагало свою печать на всякого соприкасавшегося с ним человека.

***

Монтескье отправился из Парижа 5 апреля 1728 года, а вернулся во Францию в апреле же 1731 года, т. е. провел за границей три года, причем довольно быстро объехал всю Европу и лишь в Англии пробыл около полутора года. Он посетил Австрию, Венгрию направился было в Турцию, но вследствие политических замешательств из Белграда свернул в Италию, посетил страны по Рейну и Голландию. Всюду он входил в самые тесные отношения с придворными кругами, где его охотно принимали, как человека уже известного своими трудами, как члена академии, а отчасти благодаря рекомендации многочисленных старых и новых друзей. Знакомился он с дипломатами, политическими деятелями, учеными, не пренебрегал и простыми смертными; осматривал все достопримечательности, изучал нравы каждой страны и ежедневно заносил на бумагу свои впечатления и мысли. Монтескье говорит: «многие платят прогоны за почтовых лошадей, но путешественников между ними мало». Действительно, таких путешественников, как он, найдется немного. Он вынес из своих путешествий такое знакомство с посещенными им, часто очень спешно, странами, какого не имеют иногда лица, живущие в них годами. Монтескье умел сразу схватывать характерные особенности каждой местности, быстро входить в интересы населения, уловить самую сущность политического и социального положения страны. Положим, ему благоприятствовало все: слава, высокое положение, богатство. Эти путешествия стоили Монтескье немалых денег, но Монтескье, вообще весьма расчетливый человек, не жалел их на это.

***

10 мая 1728 года Монтескье прибыл в Вену. Он был радушно принят в высшем венском обществе и при дворе Карла VI [56], слывшего покровителем наук и искусств, и здесь был скоро посвящен в тайны венской дипломатии своими новыми многочисленными знакомыми. В это время ему пришла в голову мысль сделаться самому дипломатом; он написал о своем намерении Флери, министру внутренних дел, и кое-кому из друзей в Париж, но предложенный ему пост не удовлетворял его желаниям. Таким образом сохранился Монтескье, как автор «Духа Законов», не сделавшись дипломатом, может быть посредственным.

Монтескье быстро вошел в дружеские отношения со многими из выдающихся людей в Вене; между прочим с Карлом Эммануилом[57], наследником савойского престола, почерпнувшим может быть из знакомства с Монтескье свои конституционные идеи, — с принцем Евгением, с князем Лихтенштейном, с графами Штаренбергом и Кинским, с маркизами де Брейль и де При. Но в Вене он остался недолго и проехал через Венгрию, где его поразил контраст между богатством знати и бедностью крестьянства. Затем, как сказано, ему удалось побывать в Турции, и он свернул в Италию через Иллирию. По дороге Монтескье случайно встретился с милордом Честерфильдом[58], которого кажется встречал раньше в клубе Антресоля. Это был богатый, знатный, образованный англичанин, дипломат и политический деятель. Они решили путешествовать вместе и 16 августа прибыли в Венецию. Здесь Монтескье встретился с Джоном Ло и с графом Бонневаль. Ло в это время проживал в Венеции в неизвестности, занимаясь азартными играми на основании выработанной им собственной теории. Бонневаль был смелый и энергичный авантюрист. Адъютант маршала во Франции, он был потом австрийским генералом, затем — турецким пашой. Бонневаль видал на своем веку многое, рассказал Монтескье всю свою богатую приключениями биографию и поделился с ним богатым запасом своих наблюдений.

Монтескье изучал памятники искусства, истории и современное положение страны, но его заметки о Венеции погибли в волнах Адриатического моря. Он отправился было уже в Фичину, как вдруг заметил, что за ним гонится несколько гондол. Опасаясь, что венецианское правительство приняло его за шпиона и желая избежать неприятностей, Монтескье бросил все свои заметки о Венеции в море. Оказалось, что действительно за ним следили,

но беспокоить его не было приказано, так что он мог бы благополучно уехать со всеми своими заметками.

После Венеции Монтескье направился в Рим, где провел четыре месяца. Тут он близко сошелся с протестантским пастором Якобом Верне[59], который впоследствии следил за изданием «Духа Законов». Кроме того он постоянно бывал у кардинала Полиньяка, французского посла при папском дворе, где встречался со многими членами высшего духовенства. Тут он познакомился с кардиналом Корсини, впоследствии папой Климентом XII, со священником Фуке, — миссионером в Китае, с Витри, который, по словам Монтескье, «занимался производством древних медалей и предметов религиозного почитания верующих».

Самый Рим интересовал его не менее, чем проживавшие в нем почтенные прелаты, как своими древностями, так и современным положением. Здесь может быть старые развалины навеяли на Монтескье идею его «Рассуждения о причинах величия и падения римлян».

Перед отъездом Монтескье представился папе, который принял его весьма любезно и в виде особой милости разрешил ему и членам его семьи не соблюдать постов в течение всей жизни; Монтескье поблагодарил, и аудиенция кончилась. Вдруг на другой день ему доставили папскую буллу об освобождении от постов и громадный счет. Монтескье отдал посланному буллу и счет, прибавив: «папа человек честный, мне довольно его слова».

***

Посетив Неаполь, Пизу, Геную, причем ни в одном из этих городов он не останавливался надолго, Монтескье наконец прибыл во Флоренцию, Здесь его задержали не столько достопримечательности города, сколько обворожительная маркиза Феррони — умная и красивая женщина, собиравшая в своем салоне цвет флорентинского общества. «Это прекрасный город, — писал Монтескье, — женщины тут так же свободны, как во Франции, но это не бросается в глаза, и они не отличаются тем особого рода презрением к своему положению, которое ни в каком отношении не может быть признано заслуживающим одобрения. Тут царит вежливость, ум и даже знание».

Пребывание в Италии, помимо массы завязанных Монтескье знакомств и ознакомления с нравами, историческими памятниками и бытом страны, оказалось для него в высшей степени

полезным еще и потому, что он здесь познакомился с лучшими произведениями искусства и таким образом пополнил важный пробел в своем образовании.

«С тех пор, как я нахожусь в Италии, мои глаза открылись по отношению к искусству, о котором я раньше не имел никакого представления», — писал Монтескье. Очень возможно поэтому, что здесь впервые задумано им «Исследование о вкусе»[60].

После Флоренции заслуживает упоминания посещение Турина, где он близко познакомился с маркизом де Врейлем, его братом командором Соларом, маркизом Сен-Жермен. Дружба с Соларом продлилась почти на всю жизнь Монтескье.

Далее Монтескье проехал по Рейну в Голландию, посетил Люксембург и Ганновер. В это время Честерфильд, с которым Монтескье расстался в Италии, занимал уже пост английского посланника в Голландии. Они встретились и вновь решили отправиться вместе в Англию на яхте Честерфильда. Гостеприимный лорд пригласил Монтескье жить в Лондоне в его доме во все время пребывания Монтескье в Англии. Отплыли они из Гаги 31 октября 1729 года.

***

После революции 1688 года Англия вновь сделалась страной политической свободы, страной свободной мысли и свободного слова. Религиозные вопросы успели отойти на задний план и общество было занято вопросами политическими, социальными и научными. Лондон был в это время всесветною школою свободной философии и его справедливо сравнивали с Афинами.

Монтескье, по обыкновению, прежде всего постарался сойтись с замечательными людьми всякого рода и со знатью, что ему не трудно было сделать, пользуясь гостеприимством лорда Честерфильда, имевшего весьма широкий круг знакомства. Среди этих знакомых Честерфильда выделялся особенно зять знаменитого Мальборо, герцог Монтегю. Это был эксцентричнейший человек, который, пригласив Монтескье к себе в замок и желая, как он говорил, принять нашего путешественника, как посла, устроил ему неожиданное купание в холодной воде.

Тридцать лет спустя, Монтескье, вспоминая этот случай, говорил: «Несомненно, случай странный, но путешественники принуждены принимать все, как должное». У Честерфильда же он встречал Вальполя[61], Свифта и Попа[62] и кроме того многих

литераторов и ученых, так что вскоре завязал самые тесные сношения со всем ученым и литературным миром Англии. 26-го февраля 1730 года он был даже избран членом королевского общества, с которым затем находился в постоянных сношениях и по возвращении во Францию.

Особенно привлекали к себе его внимание государственные учреждения Англии. Он посещал парламент и раз присутствовал при интересном состязании оппозиции и министерства, длившемся более 12-ти часов. Состязались в этот день главным образом лорд Болингброк и Вальполь. Наконец он был представлен и ко двору. Королева Шарлотта[63], любившая общество ученых, запросто беседовавшая с Ньютоном и Локком, заинтересовалась также нашим путешественником, который затем удостоился несколько раз новых приглашений ко двору. Наконец около апреля 1731 года Монтескье оставил Англию и вернулся в свой замок Ла-Бред.

Из всех путешествий Монтескье, пребывание в Англии оставило на нем самый глубокий след. Да это и понятно, так как в то время Англия была самой просвещенной, самой свободной страной в Европе, и потому в ней было чему поучиться и что посмотреть человеку, одушевленному стремлением к свободе, но на своей родине встречавшему лишь бесшабашный произвол власти. Припомним, что Вольтер и Бюффон также многим обязаны своему пребыванию в Англии.

Монтескье проникся здесь уважением к конституционному режиму, стал придавать меньше значения религиозным вопросам; здесь созрела его знаменитая теория разделения властей. Он, как посторонний наблюдатель, мог вернее самих англичан оценить достоинства их государственного устройства, незаметные для них по привычке, и научить Европу пользоваться тем, что выработано этим великим народом.

Но здесь же зато укрепились некоторые предрассудки Монтескье. Так, проникшись уважением к английской аристократии, шедшей рука об руку с народом, Монтескье перенес это уважение на привилегированные классы вообще и, не сумев понять, что развращенное французское дворянство неспособно ни к какой серьезной политической роли, тем не менее сделался защитником его привилегий, полагая, что и во Франции оно может иметь значение силы, сдерживающей произвол.

Монтескье в дружеской беседе следующим образом охарактеризовал посещенные им страны: «Германия создана, чтобы по ней

путешествовать, Италия, — чтобы временно проживать в ней, Англия, — чтобы там мыслить, Франция, — чтобы жить в ней».

IV

ЧАСТНАЯ ЖИЗНЬ И «РАЗМЫШЛЕНИЯ О ПРИЧИНАХ ВЕЛИЧИЯ И ПАДЕНИЯ РИМЛЯН»

Жизнь в замке Ла-Бред. — Частные дела. — Аристократизм Монтескье. — Монтескье хозяин и администратор своих имений. — «Размышления о причинах величия и падения римлян» и подготовительные к ним работы.

Со времени возвращения из путешествий Монтескье жил постоянно около полугода в Париже и полгода в своем замке. В деревню Монтескье уезжал, чтобы в тиши работать над своими произведениями; а в Париже он подготовлял и обдумывал их. Здесь, в живой беседе по интересующим его вопросам, он старался выяснить еще более свою мысль, выслушать возражения и взвесить их. Поэтому он искал подходящего общества и бывал всюду. Особенно конечно полезно было для него посещение разнообразных салонов, которые действительно собирали массу блестящих и умных людей и где в живой и легкой беседе обсуждались самые сложные философские вопросы. До известной степени под влиянием этих салонов выработалась вся литература XVIII века — легкая, изящная, и вместе с тем глубоко затрагивающая сложнейшие проблемы, пересыпанная блестящими и остроумными афоризмами, не останавливающаяся перед парадоксами. Монтескье особенно деятельно искал этих сношений еще и потому, что никто из близких ему людей не мог быть ему интересным собеседником именно по предметам, занимавшим его более всего. Жена Монтескье не обладала блестящим умом. Это была, как мы знаем, женщина посредственная, и Монтескье никогда не был с нею особенно близок. Правда, он очень любил свою младшую дочь, и она была красивая, бойкая и даровитая женщина, помогавшая даже отцу в его работах тем, что читала ему вслух; но и она во сяком случае не могла заменить ему обширных знакомств салонов. Что касается сына Монтескье, которого он считал человеком выдающимся, то в действительности это был

хотя и весьма почтенный, но самый посредственный человек. То же надо сказать о младшем брате Монтескье, низорском аббате. Единственное исключение из всех окружавших Монтескье лиц составлял его секретарь, молодой врач, впоследствии известный химик, Дорсе. Он был воспитателем внука Монтескье и вместе с тем его помощником и даже сотрудником в литературных трудах: Монтескье ему доверял классификацию материалов для своих трудов. Это был умный и образованный человек, благодаря связям Монтескье получивший возможность завязать сношения со всем ученым миром и сделавшийся со временем академиком и сенатором во времена 1-й империи.

Из известных салонов Монтескье посещал в это время чаще всего салоны мадам Тансен[64], Жоффрен[65], Рошфор и Эгильон[66].

***

Прежде всего по прибытии во Францию Монтескье принялся за устройство своего хозяйства и вообще частных дел. Впрочем и в свое отсутствие он следил за всем, что делалось у него в имениях, причем часто в письмах давал подробнейшие инструкции и хозяйственные распоряжения, входя во все мелочи, до указания места посадки того или иного дерева включительно. Прежде всего он озаботился помещением в коллеж старшего сына, которому в то время минуло уже пятнадцать лет.

Затем он переделал парк в своем замке на английский манер, и это очень занимало его. Он писал своим друзьям по окончании этих преобразований, длившихся несколько лет: «Для меня будет праздником поводить вас по моему имению Ла-Бред, где вы найдете замок, прекрасно украшенный по идее, заимствованной мною в Англии». Действительно замок Ла-Бред представлял собою чудный уголок. Сам замок, построенный в XIII веке, возвышался в виде башни с зубцами наверху, очень массивной, с почерневшими от времени каменными стенами. Его окружали широкие рвы, наполненные проточной водой, которая затем в виде каскадов и ручейков разливалась по парку, лугам и полям. С юга и с запада примыкали к замку старинные рощи с вековыми деревьями, и на север и на восток расстилались луга. Там и сям виднелись кривые и несимметричные аллеи. Вдали тянулся столетний сосновый бор. Монтескье вообще любил свое имение и был к нему привязан по воспоминаниям детства. В этих поместьях он провел полжизни, в них было главное его богатство,

источник того почетного положения, которым пользовался он и которое надеялся передать своему сыну.

В то время во Франции вообще права дворян-землевладельцев были довольно обширны, хотя и утратили всякое политическое значение. Побывав в Англии, Монтескье стал особенно ценить свое аристократическое происхождение и несколько преувеличивать вообще значение аристократии в государственной жизни. Во Франции дворянство теряло всякое значение, а Монтескье мечтал еще о славном и почетном для него будущем, как будто закрывая глаза перед действительностью. Французское дворянство утратило всякую связь с провинцией, поглощенное двором, а Монтескье, считая привилегированные классы полезными в государственной жизни именно постольку, поскольку они пользуются влиянием на месте, не видел или не хотел видеть этого. Он решился составить генеалогию своего рода. Поступок странный со стороны автора «Персидских писем», который писал в CXIX письме: «из духа тщеславия европейцы установили несправедливое право старшинства, которое уничтожает равенство граждан», а в письме CXXXII еще резче: «тут же был очень плохо одетый господин, который говорил, поднимая глаза к небу: да благословит Бог проекты наших министров. Дай Бог, чтобы акции поднялись до двух тысяч и все парижские лакеи стали богаче своих господ! Я осведомился ради любопытства, кто это. Мне сказали, что это очень бедный человек, да и ремесло у него самое незавидное: он промышляет генеалогией и надеется, что ремесло это будет приносить ему доход, если состояния будут также увеличиваться и свежеиспеченные богачи будут обращаться к нему, чтобы переправить свои фамилии, пообчистить предков и украсить дверцы карет».

Но Монтескье сам понимал всю непоследовательность своего поступка и написал в своих заметках: «я велел сделать довольно большую глупость: составить мою генеалогию!» Кроме того Монтескье хлопотал о возведении его в достоинство маркиза, которое считалось выше баронского. Ему обещали. Удалось ли ему добиться в этом случае своего желания, точно неизвестно, но по-видимому удалось, так как синдик г. Бордо в официальной бумаге, сохранившейся в архивах, называет его маркизом. Тут же кстати будет сказать, что в своем завещании Монтескье доказал, что для него эта возня со своими предками и титулами не была пустой забавой. Он во-первых установил в своих имениях

майорат[67], во-вторых, на случай смерти его сына бездетным, распорядился о переходе его имений и титулов безраздельно к потомству старшей дочери и т. д. То же самое показывают и его заботы о том, чтобы посредством браков своих детей увеличить свои аристократические связи. Так, сына своего женил он на Мари де-ла-Тур де-Мон баронессе де-Сузан, а дочерей выдал замуж за родовитых дворян, из которых второй его зять Секонда был его родственник. Но относясь так серьезно к своему происхождению, Монтескье довольно умеренно пользовался своими феодальными правами. Правда, он писал например по поводу браконьеров, что это «двуногие животные, для уменьшения количества которых следовало бы поставить капканы», но тем не менее, при случае, сам покупал по хорошей цене дичь, убитую на его землях. К своим крестьянам и арендаторам он относился мягко, запросто разговаривал с ними об их делах, при случае помогал словом и делом, входил в их взаимные отношения, разбирал споры, если к нему обращались, и взимал весьма умеренный оброк и арендную плату.

***

Монтескье был очень искусным хозяином и администратором своих имений. Он довел свои доходы до шестидесяти тысяч франков в год, что составляет весьма круглую цифру для того времени. И он мог смело сказать о себе: «я не переставал кажется увеличивать свое состояние; я произвел громадные улучшения на моих землях». Действительно самим Монтескье или его арендаторами по его указаниям произведены обширные ирригационные работы; введен посев клевера, совершенно неизвестного в то время в Гиени, расчищены ланды; построено много новых хуторов, разбиты новые виноградники по бесплодным до той поры землям и т. д. Особенно много труда стоила ему последняя затея, так как тут, кроме природы, пришлось бороться еще с администрацией, потому что существовало старое запрещение разводить новые виноградники в Гиени. Монтескье добился-таки своего и ему разрешено было засадить виноградом огромную площадь диких земель.

Он был опытным коммерсантом и прекрасно сбывал свои продукты, особенно вино, для чего пытался завести сношения с Англией непосредственно и чутко следил за состоянием рынка. Ему приходилось для защиты своих прав вести много процес-

сов, большинство которых он всегда впрочем кончал мировыми сделками.

Он вел процесс с гор. Бордо о земле, так как граница его и городских владений не была точно известна, и оттягал изрядный кусок спорной земли. Случалось Монтескье вести процессы и для других. Особенно курьезно, что он однажды выступил в защиту прав монастыря, в котором его младший брат был аббатом, защищал интересы монахов, осмеянных им в «Персидских письмах». В личной жизни Монтескье был в высшей степени экономен, носил всегда самое простое платье, не терпел роскоши и излишества и был даже несколько скуп, что не мешало ему при случае раскошеливаться, если он это считал полезным и необходимым. Так, на путешествия он не пожалел истратить много денег, а когда в 1747 г. в Гиени был голод, Монтескье из своих средств прокормил все находившиеся на его землях деревни, что обошлось ему не дешевле шести с половиною тысяч ливров.

***

В то же время литературные труды не переставали занимать его главное внимание. Он работал в это время над «Духом Законов», но, подготовляясь к этому труду, как-то невольно напал на мысль написать историю Рима. Еще на школьной скамье он сделал на латинском языке набросок истории Рима, в юности он написал речь о Цицероне, в Бордоской академии читал «о политике римлян в области религии», а в клубе Антресоля — диалог «Сулла и Эвкрат». Сюжет ему был знаком, древность интересовала его с юных лет, а после путешествия и пребывания в Риме его знакомство с римской жизнью стало еще более обширным. Монтескье писал из Рима: «никак невозможно оторваться от римлян... Еще и теперь в их столице оставляешь невольно новые дворцы, чтобы разыскивать развалины». Он деятельно принялся за чтение источников, причем многие выборки делал для него один бенедиктинский монах, Сен-Мор, которого Монтескье приютил у себя после того, как тот сбежал из своего монастыря. Но Монтескье прежде, чем приняться за свой труд, написал две маленькие монографии из истории римлян, прочитанные им в 1731, 1732 годах в Бордоской академии. В это время вероятно «Размышления о причинах величия и падения римлян», в свою очередь служившие как бы подготовительной работой к «Духу Законов», были начаты. Монтескье вообще работал не скоро.

Мы знаем, что он даже в более мелких вещах многое изменял, перечитывал, поправлял.

Небольшой сравнительно труд Монтескье, разделенный на двадцать три главы, заключает в себе всю историю Рима от его основания до падения. Монтескье собственно написал не историю Рима, а философию этой истории. Событий он почти не описывает и не останавливается на них, а его занимает главным образом их объяснение, которого он ищет в постоянно присущих человеку психологических свойствах. В книге Монтескье видно близкое и верное знакомство с древним Римом. Правда, многие исторические факты им не проверены и передаются со слов римских историков: позднейшая критика многое тут изменила, многое отвергла, как простую басню; но Монтескье на это и не обращал особого внимания: его интересовали общие черты быта римлян, склад их жизни, их характер, выработанный этой жизнью. Вместе с тем его труд не отличается особенной объективностью и бесстрастностью. В книге постоянно попадаются намеки на современные события. Да иначе и не мог впрочем писать автор «Персидских писем». Он слишком глубоко понимал, что всякое знание и все, что совершается в мире, делается ради человека, ради человеческих целей.

В этом своем труде Монтескье ясно высказывает и доказывает существование причинной связи между историческими событиями. «Так как люди, — говорит он, — имели во все времена те же страсти, то хотя поводы великих переворотов различны, но причины всегда одни и те же».

Монтескье, пересматривая вновь книгу для нового издания, хотел включить в нее главу об английских политических учреждениях, но потом оставил эту мысль, и глава об английской конституции вошла со временем в «Дух Законов».

По окончании этого труда Монтескье опять пожелал посоветоваться с кем-нибудь относительно достоинств книги, так как в подобных случаях его всегда одолевали разные сомнения; теперь кроме того он желал со временем издать свои «Размышления» в Париже и получить королевскую привилегию на издание, чего ему и удалось достигнуть. Потому-то просмотр книги был поручен иезуитскому священнику, отцу Кастель[68], репетитору сына Монтескье. Это был довольно известный математик и искренне религиозный человек, которого Вольтер называл «сумасшедшим математиком», а Монтескье — «арлекином философии». Монте-

скье просил его исправить книгу «в религиозном отношении», на что Кастель охотно согласился.

«Величие Римлян» издавалось в Голландии. Кастель получал корректурные листы в Париже и исправлял их по-своему. Дело дошло до того, что один из друзей Монтескье хотел «подавить» его свободу, опасаясь как бы книга чересчур уж не пострадала от чрезмерного усердия иезуита. Монтескье однако одобрил поправки отца Кастель и просил его напротив продолжать просмотр издания. Кастель написал о «Величии Римлян» хвалебный отзыв, снабженный обширными извлечениями. Книга ни в голландском, ни во французском издании не произвела особого впечатления на публику. Положим, общественное внимание было поглощено вопросом о престолонаследии в Польше и все еще не смолкавшими спорами о булле Unigenitus. В салонах Парижа даже говорили, что «Персидские письма» были величием Монтескье, а «Размышления о величии римлян» — его упадком. Но в Англии книга сразу обратила на себя внимание и вскоре была переведена на английский язык. В Голландии разошлись три контрафакционных издания, в Пруссии появился немецкий перевод, а Фридрих Великий испещрял поля своего экземпляра всевозможными, иногда очень пространными примечаниями.

***

Значение «Величия римлян» для истории отчасти вкратце указано нами выше. Действительно, состояние исторической литературы того времени было таково, что появление небольшой книги Монтескье, в которой отсутствует бесплодное искание конечных причин исторических явлений и нет постоянных ссылок на невидимый перст Провидения, но в которой зато автор старался найти связь между событиями и объяснить последующие явления на основании предшествующих им, — появление подобной книги было целым событием, которое прошло сравнительно мало замеченным во Франции, благодаря исключительным обстоятельствам.

Монтескье старался показать в своем труде на примере римской истории, что историческими явлениями управляют общие причины, лежащие как во внешних условиях среды, так и самом человеке. Объяснения, данные Монтескье многим событиям римской истории, его указания на экономическую неурядицу, как на одну из важнейших причин падения Империи, его по-

нимание завоевательной политики римлян республиканской эпохи, — все это осталось верным и незыблемым до наших дней, несмотря на громадные успехи, сделанные исторической наукой с тех пор, как он написал свою книгу. Нужно удивляться, как при том скудном запасе точных данных об истории Рима, какой был в руках Монтескье, он сумел так верно в общем оценить отдельные события и так глубоко понять их общее значение и их причины.

После издания «Размышлений» Монтескье в течение 10 лет не издал ничего выдающегося. Он был занят главным образом очевидно работой над «Духом Законов». Но все-таки в это время он написал кое-что новое, исправлял для новых изданий старые труды, деятельно поддерживал переписку с учеными почти всех стран Европы и со своими друзьями.

Прежде всего следует упомянуть об истории Людовика XI. Этот труд не дошел до нас, благодаря несчастной случайности. Дело в том, что Монтескье отдал оконченную рукопись в переписку и велел секретарю сжечь черновую тетрадь. Секретарь по ошибке сжег переписанный экземпляр, а Монтескье, увидав у себя на столе черновую и не зная об ошибке секретаря, сжег и ее. Сохранился один небольшой отрывок, в котором описывается политическое состояние Франции во время вступления на престол Людовика XI, а затем Монтескье старается доказать, что все, что сделано Людовиком, сделано им благодаря исключительно благоприятно для него сложившимся обстоятельствам, а никак не благодаря его гению или талантливости. Для Нансийской академии, членом которой он был избран, Монтескье написал историю Лизимаха[69].

В 1742 году появилось исправленное и дополненное издание «Храма в Книде»; в 1744 — дополнение к «Персидским письмам», с предисловием, в котором автор защищается против нападок на некоторые места книги, содержащие, по мнению критиков, антирелигиозные мысли и выходки.

Прибавление это содержит двенадцать писем. В рукописях Монтескье сохранилось однако под рубрикой «Дополнение к Персидским письмам» не 20, а 41 письмо, из которых большинство посвящено политическим событиям до конца управления кардинала Флери. В 1745 году был опубликован самим Монтескье в «Меркурии Франции» диалог «Сулла и Эвкрат». Наконец в 1747 году появляется новое издание «Путешествия на остров Пафос», а в 1748-м новое издание «Размышления о причинах величия

и падения римлян», пересмотренное совершенно заново, с дополнениями, доходившими в общей сложности до 40 страниц.

V

«ДУХ ЗАКОНОВ»

«Дух Законов». — Продолжительность предварительной работы и окончательной обработки текста. — Прием «Духа Законов» во Франции и за границей. — Преследования духовной власти. — Содержание «Духа Законов» и политические взгляды Монтескье.

Монтескье называет «Дух Законов» трудом всей своей жизни и это в значительной степени справедливо. Уже на школьной скамье и при изучении права он задумывался, как мы знаем, о значении права в общественной жизни. «Персидские письма» и «Размышления о величии римлян» содержат в зачаточном состоянии много идей, долженствовавших получить дальнейшее развитие в «Духе Законов». Монтескье начал писать самый текст своего труда вскоре после издания «Персидских писем», т. е. около 1724 года, а во время путешествий «Дух Законов» стал уже целью его жизни, так как и сами путешествия были предприняты в значительной степени ради ознакомления на месте с учреждениями других стран. В 1736 году д'Аржансон, с которым Монтескье познакомился в клубе Антресоля, видал уже отрывки этого труда. Но окончательно засел за работу Монтескье лишь с 1743 года, запершись в своем замке и мало показываясь в свете в течение двух лет вдали от парижских развлечений. К этому времени у него была собрана масса необходимого материала, перечитана целая литература. Эрудиция Монтескье просто поражала его современников. Но кроме литературных источников, Монтескье широко пользовался своими заметками. Как мы знаем, он в течение всей своей жизни имел обыкновение вечером записывать впечатления дня, чем-нибудь замечательные мысли и разговоры, — и таким образом записи представляли целый результат многолетних наблюдений такого наблюдателя, каким был Монтескье. Недаром один критик сказал, что многие книги XVIII века созданы в салонных разговорах, а в заметках Монтескье записано немало его бесед с выдающимися людьми его эпохи по самым разнообразным

вопросам. Монтескье, вынашивая в течение 20 лет свое произведение, конечно брал всюду то, что было пригодно для его цели, и вероятно никакая эрудиция не могла бы дать ему того, что он почерпал в живом общении с людьми. В это время зрение Монтескье уже значительно ослабло, и он принужден был большую часть текста диктовать. Может быть этим объясняется краткость и выразительность стиля, характеризующая его произведения вообще, но особенно отличающая «Дух Законов».

По окончании своего труда, Монтескье пригласил для его прочтения сына, аббата Гуаско [69] и президента Барбо, провинциального друга Монтескье. Чтение происходило в Бордо в квартире Барбо и началось 12-го февраля 1745 года. Оно продолжалось несколько дней подряд с небольшими лишь перерывами для необходимого отдыха и для еды. Во время чтения присутствующие свободно делали свои замечания и Монтескье охотно соглашался на поправки, необходимые дополнения и разъяснения неясных мест. Конечно замечания эти касались деталей, а не существенных идей книги, выработанных Монтескье путем слишком долгого и основательного размышления, чтобы менять их по указаниям его слушателей.

Но Монтескье продолжал просматривать и окончательно отделывать свой труд и после этого чтения. К августу 1745 года он окончил первые 30 книг и лишь к июлю 1747 года — весь труд.

В течение этого времени Монтескье находился в весьма переменчивом настроении духа. То ему казалось, что он не кончит своего труда, и он писал: «жизнь моя идет вперед, а труд — назад», то снова бодро принимался за работу и тогда уже восклицал: «в три дня я исполнил трехмесячную работу!» Монтескье с готовою рукописью отправился в Париж, чтобы там еще раз обсудить с приятелями и знакомыми свое детище прежде, чем издать его. Это вторичное чтение состоялось по всей вероятности в квартире президента парижского парламента и члена академии Гено, друга Монтескье, кроме которого присутствовали известный финансист Силуэтт[71], Гельвециус[72], драматург Сорси, романист Кребильон[73] и Фонтенель. Гено нашел, что труд производит впечатление чего-то недоделанного, Силуэтт посоветовал просто сжечь рукопись, Кребильон и Фонтенелль советовали не издавать ее. Гельвециус написал даже мотивированное мнение, также неблагоприятное для книги.

Около этого времени Монтескье прибавил к «Духу Законов» предисловие.

Однако Монтескье не решился ни сжечь рукописи, ни спрятать ее, а напротив приступил к ее изданию. В нем слишком сильна была уверенность в том, что это — его лучший труд. Издать книгу Монтескье решил в Женеве, так как, благодаря старинным привилегиям, этот город мог довольно свободно провозить произведения своих типографий во Францию. Кроме того еще в Риме Монтескье познакомился с женевским пастором и профессором теологии Якобом Верне, которому и решился поручить издание. Швейцарский посланник Мюссор взялся доставить рукопись по назначению. Монтескье просил Верне делать ему чистосердечно всякие замечания, какие ему придут в голову. Верне понял эту просьбу в смысле разрешения делать самому незначительные поправки, чем Монтескье по-видимому остался не совсем доволен. По крайней мере впоследствии, в письме к Юму[74] по поводу английского издания «Духа Законов», он прямо выразил это и препроводил ему необходимые поправки мест, искаженных в первом женевском издании.

Однако эти мелкие поправки не возбудили явных споров и несогласий, но зато два раза едва не возникло серьезное разногласие между автором и Верне по другим поводам. Во-первых, Монтескье желал в начале XX книги поместить воззвание к Музам, но Верне восстал против этого, находя подобную вставку в серьезном труде неуместной, и добился своего; во-вторых, Монтескье желал исключить главу о lettres de cachet[75]; на этот раз Верне не удалось отстоять этой главы и она была исключена. Воззвание к Музам было впоследствии разыскано, но злополучная глава так и пропала. Мы думаем, что в обоих случаях Верне был прав.

Наконец в ноябре 1748 года «Дух Законов» появился в свет. Граф д'Аржансон, заведовавший иностранной цензурой, дал молчаливое разрешение на ввоз книги во Францию, но Монтескье не долго пользовался этой льготой, так как по внушению свыше скоро разрешение было заменено формальным запрещением. Но даже это оказавшееся фиктивным разрешение было куплено ценою довольно значительного количества изменений в первоначальном тексте, не изменявших впрочем существа мысли автора, а касавшихся неловких или резких, по мнению цензуры, выражений. Для примера приведем несколько таких поправок. Так в первоначальном тексте было просто сказано: «Совет государя

совершенно не пользуется доверием народа», а в измененном тексте прибавлено: не пользуется в достаточной степени доверием народа. В другом месте, где говорилось: «если найдется в народе честный человек..., то кардинал Ришелье объявляет, что монарх не должен пользоваться его услугами» слово, «объявляет» было заменено словом «инсинуирует».

***

В те времена во Франции автору не всегда сходило с рук хотя бы и не подписанное им сочинение, неугодное правительству, но Монтескье избегал личных неприятностей, благодаря своей относительной осторожности, своим связям и высокому положению в обществе. Д'Аржансон писал в своих мемуарах по этому поводу: «автор "Духа Законов" к счастью светский человек, он нравится в обществе, имеет там друзей и таким образом ему лично не сделают за эту книгу неприятностей более, чем он имел за "Персидские письма"».

Несмотря на запрещение, книга конечно ввозилась во Францию; кроме того многие высокопоставленные лица получали разрешение на выписку экземпляра для себя. В салонах во всяком случае заговорили о ней и первое время, надо признаться, не особенно благосклонно. У m-me Жоффрен некий парламентский советник, автор весьма посредственного «Исследования о праве и морали», считал Монтескье своим соперником и пресерьезно уверял, что последний часто пользуется заимствованиями из его книги, эксплуатирует его идеи. Журналы также поместили много недоброжелательных отзывов. Особенно вознегодовали янсенисты, так как в «Духе Законов» отдавалось должное историческим заслугам их вечных врагов, иезуитов. Аббат Деларош называл «Дух Законов» скандалезной и неприличной книгой. Особенно обрушилась критика на XV книгу, где Монтескье пытается доказать влияние климата на человеческие нравы и учреждения. Появился целый ряд книг, специально посвященных критике великого творения Монтескье. Вольтер, под предлогом защиты Монтескье от нападок его врагов, также обрушился на него за недостаток порядка и системы в его труде, утверждая даже, что Монтескье делает неверные и прямо ложные цитаты. Таков был первоначальный прием, оказанный «Духу Законов» во Франции.

Но подобное отношение должно было скоро смениться иным, более серьезным. Дело в том, что всеобщий скептицизм начинал

уже сменяться чисто созидательной работой философии XVIII века. С 1745 года, т. е. со времени воцарения, если можно так выразиться, мадам Помпадур[76], литература вздохнула свободнее. В это время Бюффон написал «Естественную историю», Дидро — «Письма о слепых и глухонемых», Вольтер — «Исследование о нравах», Руссо — «Слово против неравенства»[77]. К государственным делам призывалась уже та буржуазия, которая должна была со временем потребовать созвания генеральных штатов. В таких условиях надлежащая оценка и должный прием «Духу Законов» был вопросом непродолжительного времени.

Между тем пока Монтескье был вознагражден за неудачу во Франции успехом его труда за границей. Прежде всего в Италии «Дух Законов» обратил на себя общее внимание. Сардинский король[78] увлекался его чтением и заставлял сына своего делать из книги извлечения. Он весьма благосклонно отнесся к переводу «Духа Законов» на итальянский язык, предпринятому другом Монтескье, аббатом Гуаско, и разрешил публичные чтения о нем в королевском туринском обществе. Прусский король[79] тщательно изучал «Дух Законов». В Швейцарии книга расходилась весьма быстро. Особенно оценили ее в Англии. Юм испросил разрешения автора на ее издание в Англии. Лорд Честерфильд писал Гуаско по поводу «Духа Законов»: «Жаль, что г. президент Монтескье, очевидно удерживаемый страхом перед властью, не решился высказать все. Прекрасно чувствуется, в общих чертах, что он желал бы сказать об известных вопросах, но он не выражается достаточно ясно и сильно. Гораздо лучше можно было бы знать, что он думает, если бы он мог писать в Лондоне и если бы он родился в Англии».

Но наконец началась иная оценка «Духа Законов» и во Франции. В 1749 году некий советник Дижонского парламента выпустил книгу под заглавием «Дух Духа Законов»[80], в которой прекрасно разобрал произведения Монтескье и возбудил всеобщее любопытство. Мадам Тансен убедила одного парижского типографщика издать тайно в Париже «Дух Законов» и устроила широкую подписку на это издание в среде посетителей своего салона. Сама она подписалась на значительное количество экземпляров и раздавала их знакомым. Это все конечно не могло остаться без влияния на успехе книги. В 1750 году наконец, при перемене личности цензора, которым стал Мальзерб[81], был официально разрешен не только ввоз «Духа Законов» во Францию,

но и издание его в пределах страны. Друзья убедили Монтескье защититься против нападок и обвинений книги в антирелигиозности, и в апреле 1750 года появилась защита «Духа Законов»[82], изданная в Париже, но с ложным обозначением места издания, которое было указано в Женеве.

Ловко и умно написанная защита до известной степени достигла цели, чему помогли сами противники Монтескье своей бестактностью и неумелостью своих новых нападок.

Даламбер также написал похвальный отзыв. Но в то же время против «Духа Законов» начало целую кампанию духовенство Франции.

Первоначальная мысль об исследовании и запрещении «Духа Законов» возникла на собрании французского духовенства в 1750 году, но она была отвергнута большинством. Однако в том же году Сорбонна назначила специальных комиссаров для исследования «Духа Законов» и «Естественной истории» Бюффона.

Сорбонна признала еретическими много мест «Духа Законов». Монтескье вначале по-видимому готов был бороться. «Сорбонна эта положительно везде суется», — писал он с негодованием; но, увидев, что дело принимает дурной оборот, он вынужден был согласиться на требуемые изменения текста. Тогда теологический факультет назначил двух теологов, Мелле и Рено, чтобы совместно с Монтескье выработать необходимые, по мнению Сорбонны, поправки. Монтескье обещал сделать новое исправленное, согласно их указаниям, издание, и Сорбонна отменила свое запрещение.

Наконец в защиту Монтескье выступил и парижский архиепископ; дело таким образом готово было окончательно уладиться. Но в то время исследованием «Духа Законов» занялась римская «Конгрегация Индекса»[83], на обязанности которой лежало издавать указатель запрещенных и еретических книг для всего католического мира. Исследование книги было поручено конгрегацией своему члену Баттори. Граф Ниверне[84], французский посланник в Риме и друг Монтескье, конечно старался употребить все свое влияние, чтобы воспрепятствовать запрещению. Он привлек на свою сторону самого просвещенного члена конгрегации, кардинала Пассионея, который в свою очередь вместе с Ниверне просил Баттори сообщить им его доклад и, если можно, переслать его заблаговременно Монтескье, чтобы он мог вовремя защититься. Монтескье написал тогда Пассионею два письма, которые, как он надеялся, дойдут до конгрегации и до папы, и в которых он

изложил свою защиту. Но, благодаря медленности сообщения, письма эти, написанные в Гиени еще в июне, не попали в Рим к концу августа, когда было назначено заседание конгрегации. Секретарь заявил, что более откладывать нельзя, удалось кое-как протянуть еще несколько дней и заседание состоялось в начале сентября, но Баттори, по просьбе Пассионея, не прочел своего доклада, а добился новой отсрочки. В конце сентября состоялось наконец решительное заседание конгрегации, на котором кардинал Квирини, председатель конгрегации, заявил, что он удовлетворен вполне печатной защитой «Духа законов», опубликованной Монтескье еще в апреле в Париже. Папа также был против запрещения.

Однако прошел почти год, Монтескье издал «Дух Законов» вновь, но это издание не заключало требуемых духовной властью и обещанных Монтескье поправок. Тогда конгрегация уже в 1751 году, по докладу Эмальди, который сменил Баттори, произнесла свое запрещение. Но, в вознаграждение за видимую готовность Монтескье подчиниться указаниям духовной власти, этот декрет почти не получил огласки, так что многие современники даже не знали о нем.

И готовность Монтескье подчиниться указаниям духовной власти не была только видимой: известно, что он в течение трех последних лет своей жизни серьезно занят был пересмотром и исправлением нового издания «Духа Законов», согласно указаниям конгрегации, надеясь добиться таким образом отмены запрещения книги. Трудно сказать, что побуждало нашего автора к этому, так как в его время запрещения конгрегации не имели почти никакого практического значения; энциклопедисты смеялись над ним и считали даже особенной для себя честью, если их произведения попадали в папский указатель запрещенных книг, потому что это обстоятельство только увеличивало ценность и занимательность книги в глазах публики.

***

«Дух Законов» несомненно самое лучшее и великое из всех произведений Монтескье. В этом труде сказался во всю свою величину его гений, тут надо искать окончательно сложившихся его философских и политических воззрений. Какая упорная работа мысли вложена Монтескье в его любимое детище, лучше всего видно из его собственных слов: «Много раз, — говорит он, — я начинал и

бросал свой труд; тысячу раз пускал по ветру написанные листы; ежедневно чувствовал, что мои руки опускаются в отчаянии; но я все-таки продолжал работу, хотя и не имел определенной цели; не различая уже ни правил, ни исключений, я находил истину, чтобы снова потерять ее: но когда я нашел свои принципы, то все, чего я искал, само собой стало ясно для меня. Таким-то образом мое произведение в течение двадцати лет росло, двигалось вперед и пришло к концу».

Ввиду этого «Дух Законов» имеет особое значение для биографии Монтескье, и мы не удалимся от своей непосредственной задачи, если остановимся на нем значительно дольше, чем на остальных произведениях нашего автора. Если и не совсем справедливо говорят многие, писавшие о Монтескье, что его частная жизнь не представляет интереса, то зато совершенно справедливо их утверждение, что вполне понять и оценить личность Монтескье можно, только изучив его произведения, — и это особенно приложимо к «Духу Законов».

Основы общего миросозерцания Монтескье, насколько они нашли себе выражение, изложены в первой книге «Духа Законов». «Все мировые явления, — говорит он, — подчинены определенным законам»; поэтому под законами в самом широком смысле этого слова он разумеет «необходимые отношения, вытекающие из природы вещей». Законы эти установлены предвечным разумом, и им в своей деятельности подчинены не только явления внешнего мира, но и деятельность людей.

Но кроме мировых законов, управляющих всеми мировыми явлениями, а в том числе и общественными, люди могут сами создавать себе иные законы, — законы положительные. Эти законы не отличаются таким безусловным характером, как законы природы, и потому допускают нарушения и могут быть весьма разнообразны в зависимости от тех целей, которые преследуются законодателем при их издании, и от всех вообще условия места и времени. Но во всяком случае, как законы природы суть проявления предвечного разума, так и законы положительные призваны осуществлять справедливость, которая существовала раньше, чем были изданы первые положительные законы.

Нельзя сказать поэтому, чтобы несправедливо было лишь то, что запрещено положительным законом; понятия законного и справедливого могут в отдельных случаях и не совпадать. Человек, подчиненный, как существо физическое, в своей деятельно-

сти законам природы, но могущий сам влиять на положительное законодательство, играет в общественной жизни роль самостоятельного фактора. Но на него в свою очередь влияют все условия окружающей среды, которые на основании этого и должны быть тщательно изучены.

Монтескье говорит: «человеческими действиями управляют: климат, религия, законы, правительственные распоряжения, примеры минувших событий, нравы, привычки». Все эти исторические факторы находятся в исторической связи и постоянном взаимодействии. Следовательно, человеческие законы и право также должны находиться в определенном соотношении со всеми условиями окружающей среды. Исследование всех этих сложных отношений и составляет цели труда Монтескье.

Таким образом Монтескье, переходя далеко за пределы юриспруденции и истории, ставит перед собой широкую задачу всестороннего изучения общественных явлений и является предтечей современной социологии. Он не строит отвлеченных систем и поэтических утопий, а старается изучать действительность, как она есть, но вместе с тем думает, что понимание этой действительности и опыт прошлого могут научить человечество многому и предостеречь его от многих ошибок, а потому он преследует критические цели и пишет, «чтобы учить людей» и особенно французов, которых постоянно имеет в виду.

Несмотря на значительную примесь рационализма в его остальных философских взглядах, в них чувствуется новая, свежая струя.

Монтескье уже не строит целой системы государственного устройства и управления на основании абстрактных понятий о свободе, равенстве и естественных правах человека, а стремится исследовать, насколько отвечают человеческим целях те или иные формы учреждений, существующие в действительности.

Так как все в мире находится во взаимной зависимости, то потому не может быть таких учреждений, которые всегда и везде оказались бы наилучшими. Лучшие учреждения для каждой страны будут те, которые наиболее соответствуют характеру нации, ее привычкам, — словом, всем условиям места и времени.

С этой точки зрения Монтескье и исследует все существующие формы правления, различая в каждой принцип и природу.

Под принципом известной формы правления Монтескье разумеет тот социально-психологический фактор, который необходим

для прочности данной формы, а под природой ее — совокупность признаков, отличающих ее от других форм.

По природе своей правление может быть республиканским, монархическим и деспотическим, причем республиканское подразделяется еще на аристократию и демократию.

Принципами их будут: для демократии — добродетель, для аристократии — умеренность, для монархии — честь, для деспотии — страх.

Эта сложная классификация и особенно неопределенное и произвольное понятие принципа правления конечно не выдерживают критики и отвергнуты современной наукой. Но в свое время подобная постановка вопроса была известной заслугой нашего автора. Тут видно уже признание важности изучения общества и человека со всеми конкретными чертами, выработанными историей, в противоположность господствовавшей школе естественного права, имевшей дело с голыми абстракциями. Допустив, что человеческая воля является одним из факторов, определяющих содержание и характер положительного законодательства, Монтескье невольно пришел к мысли, что каждое государство преследует определенную задачу, состоящую в осуществлении тех или иных стремлений его граждан, а каждая форма правления также отвечает той или иной стороне человеческой природы. Отсюда-то и возникло как понятие о принципе правления, так как и учение Монтескье о том, что каждое государство преследует в своей деятельности определенную цель. Так, задачей римлян, по мнению Монтескье, было расширение государственной территории; задача Марсели состоит в развитии торговли; древние евреи преследовали исключительно религиозные цели и т. д.

Но, помимо этих особенных для каждого государства целей, стремление к политической свободе и благу граждан является для всех государств такой задачей, осуществление которой, не противореча иным государственным целям, должно в принципе стоять на первом месте, хотя в действительности это далеко не всегда бывает так.

Таким образом Монтескье, признавая необходимость считаться с фактами, не преклоняется перед ними и далек от признания разумным и неизменным всего существующего. Напротив, по его мнению, социальные отношения подлежат постоянному изменению, одним из факторов которого является человеческая воля,

а потому человеческие стремления и идеалы имеют известное влияние на ход исторических событий.

Что касается затем отдельных форм правления, то Монтескье, на основании исторических данных и многочисленных личных наблюдений над современными государствами, старается определить с одной стороны те условия, которые необходимы для прочного существования той или иной формы, и с другой — те, которые ведут к ее упадку.

Общее направление для прочности каждой данной формы правления должно сообразоваться с ее природой и принципом. Так как принцип каждой формы правления, дающий ей прочность, коренится в психических свойствах человека, поэтому законы о воспитании граждан должны иметь важное значение в государственной жизни.

В демократии, принцип которой — добродетель, требующий от граждан при случае полного самоотречения, воспитание получает особенно выдающееся значение, и поэтому-то, говорит Монтескье, во всех демократических государствах оно имеет публичный государственный характер.

Демократии не существовало в Европе в его время, а потому свое понятие об этой форме он строит на основании того, что ему было известно о республиках древности. В этом и лежит корень ошибочных суждений Монтескье о демократии. Он не предвидел скорого наступления господства демократии в Европе, и его суждения о ней поэтому слишком узки. Для существования демократии, по его мнению, необходима небольшая государственная территория, малочисленные граждане, занятые исключительно политическими делами; земля делится тут периодически между ними и власть непосредственно принадлежит народному собранию. Это верная картина древности; но демократия может существовать, как доказали новейшие события, и вне этих условий. Демократия Монтескье далека от той, которой суждено было пышно расцвести за Атлантическим океаном и завоевать затем полмира. Но, несмотря на все это, благодаря глубине ума Монтескье, многие политические советы, извлеченные им из изучения древних демократий, остаются и теперь еще весьма ценными и вполне пригодными. Так например, он говорит, что если правящее в демократии большинство начинает смешивать понятие свободы со своими личными интересами, то меньшин-

ство оказывается в подавленном состоянии, и истинный принцип демократии — любовь к свободе — является нарушенным.

Насколько верно это замечание Монтескье, можно заключить из того, что в настоящее время внимание общества на западе серьезно занято вопросом об обеспечении законного влияния меньшинства на законодательства, и в качестве средства, способного обеспечить это влияние, рекомендуется введение так называемого пропорционального представительства. Указание автора на важность общественного воспитания в демократии, хотя оно заимствовано из истории, также не лишено основания, так как народные массы в демократиях и теперь конечно особенно нуждаются в воспитании и образовании, чтобы правильно пользоваться своими политическими правами. Да вообще подобными примерами можно было бы наполнить целые страницы.

В аристократии, для укрепления духа умеренности, законы должны заботиться о том, чтобы правящие как можно менее отличались от остальных граждан даже по внешности, и особенно в том, чтобы распределение податей было равномерно. Но, несмотря на это, в аристократии всегда существует опасность захвата власти кем-либо из членов правящего класса. Чтобы предотвратить возможность подобного захвата, необходимо такое учреждение, которое было бы способно в каждый данный момент устранить опасного члена правящего класса, подобно эфорам Спарты или государственным инквизиторам Венеции.

Кроме исторических данных об аристократиях древности, Польша и Венеция послужили для Монтескье живыми образцами, и он предсказывает им близкую гибель, так как они выродился в деспотии, «имеющие несколько деспотов», для поддержания власти которых необходима постоянная внешняя опасность, что уже само по себе является ненормальным. Но подобная аристократическая республика в настоящее время отжила свой век, и поэтому теперь имеют мало значения все глубокие наблюдения Монтескье над ними.

С особенным вниманием Монтескье рассматривает монархию. Оно и понятно, так как эта форма была в его время почти исключительно господствовавшей в Европе, и вместе с тем в большинстве стран королевский произвол давал себя чувствовать слишком сильно. Не предвидя близости революции, не признавая возможности утверждения во Франции республики, Монтескье видел, что старая монархия падает, а потому старался указать те

условия и реформы, при осуществлении которых монархия могла бы, по его мнению, не только продержаться, но и обеспечить благосостояние и свободу народа.

Поэтому начертанный им идеал монархии далеко расходился с теми образцами, которые представляла современная ему действительность.

В монархиях XVIII века произвол королей не знал в действительности границ, а в монархиях Монтескье выше воли монарха стоят основные законы страны. Монарх и тут есть источник всякой власти, но он осуществляет ее в монархии нашего автора посредством определенных органов, подчиненных в своих действиях законам, а потому и умеряющих своей закономерной деятельностью всяческий произвол. Главнейшие из этих посредствующих властей суть дворянство и духовенство, а затем сословие легистов, охраняющее неприкосновенность законов и напоминающее монарху о всяком их нарушении, от кого бы оно не исходило.

Само повиновение воле монарха не должно быть рабским и слепым, как в деспотии; напротив, оно должно быть закономерным.

Так как принцип монархии — честь, то монарх не должен никогда приказывать своим подданным совершить что-либо, противное установленным понятиям о чести, рискуя натолкнуться на неповиновение лучшей части своих подданных, которыми он особенно должен дорожить. Так было с Карлом IX, который, на приказ, разосланный комендантам о внезапном избиении гугенотов[85] в провинциях, получил следующий ответ от коменданта Байоны: «Государь, в среде жителей Байоны я нашел лишь честных граждан и храбрых солдат, но ни одного палача. Поэтому я и они просим Ваше Величество употребить нас на какое-либо иное дело».

Но в монархии также имеет серьезное значение воспитание подрастающих поколений, целью которого должно быть развитие чувства чести.

С этой же целью в монархии необходимо существование привилегий для господствующих классов, составляющих ее опору. Так как повиновение в монархии не носит такого рабского характера, как в деспотии, то оно должно казаться повинующимся почетным. Монархия, во главе которой стоит одно лицо, отличается по сравнению с республикой быстротой исполнения, но чтобы эта быстрота не перешла в произвол, необходимы посредствующие

власти — хранители законов, без которых монархия рискует обратиться в деспотию.

Как видит читатель, картина, нарисованная Монтескье, напоминает французские учреждения, но тем не менее очень далека от действительности, которая самым несомненным образом доказала, что как только королевская власть достаточно усилилась во Франции, она поглотила все, и для независимых сословий и парламентов не осталось места. Монархия Монтескье есть не столько картина будущего, сколько идеализация прошлого. Это скорее Франция доброго старого времени, Франция Генриха IV. Но в ней есть несомненно некоторые черты конституционной монархии XIX-го века. Таково понятие ненарушимых основных законов, стоящих выше воли монарха. У Монтескье, правда, не указано способа изменения старых и проведения новых основных законов в монархии, не указаны признаки, по которым основной закон отличается от обыкновенного; но уже самое понятие о согласованности воли монарха с законом составляет одно из весьма важных ограничений абсолютизма, и из него развилась система конституционализма. Так как монархия поддерживается, благодаря взаимному уравновешиванию посредствующих властей, то умеренность во всех действиях должна руководить правительством.

«Иначе, — говорит Монтескье, — чувство чести вырождается в тщеславие, придворная служба поглощает государственную, монарх правит произвольно и его абсолютизм развращает двор; основные законы нарушаются, а магистратура молчит, парламенты теряют свое достоинство, привилегии утрачивают всякое право на существование и сама монархия вырождается в деспотию». Это верная картина современного Монтескье состояния Франции, но картина собственно деспотического правления нарисована им по восточным его образцам, знакомым автору только из книг, а потому и безжизненна. Краски положены слишком густо, тени чересчур резки, контуры неясны. Если бы Монтескье, не трогая Востока, в качестве образца деспотии пополнил бы только вышеуказанную картину современного ему состояния Франции и прибавил описания некоторых стран Европы, он был бы ближе к действительности. Но тогда конечно созданный им идеал монархии и ее отличие от деспотии не выступали бы так резко.

***

Монархия, аристократия и демократия, в противоположность деспотии, являются умеренными формами правления. В них возможно осуществление политической свободы, так как государственная власть сообразуется с определенными законами, которые могут быть известны, как приводящим их в исполнение органам власти, так и гражданам; тут всякий может следовать закону, законность и свобода могут существовать. Но ни аристократия, ни демократия, ни монархия не являются непременно государствами свободными, так как в них возможно злоупотребление властью, ведущее к уничтожению свободы. Самое понятие политической свободы у Монтескье не отличается однако особой определенностью и имеет отрицательный характер. «Нет другого слова, — говорит он, — которому придавалось бы более различных значений, чем слову свобода. Одни понимают под свободой возможность беспрепятственно свергать тех, кому они вручили тираническую власть, другие — право избрания того, кому они должны повиноваться, третьи — право носить оружие и совершать насилие и т. д. Наконец всякий называет свободой ту форму правления, которая согласуется с его привычками. Но свобода есть не более как право совершать все, что дозволяется законами: если бы какой-либо гражданин мог совершать то, что законами запрещается, свобода исчезла бы, так как и другие имели бы равным образом такое же право».

Как мы видели, каждое государство, по мнению Монтескье, преследует определенную задачу, но — говорит он — существует народ, который непосредственно целью своих стремлений поставил осуществление политической свободы. Народ этот достиг своей цели и в его конституции, как в зеркале, можно видеть те условия, которые необходимы для обеспечения этой свободы. Здесь мы подходим к самой ценной части «Духа законов», к знаменитой теории разделения властей, которая в несколько измененном виде и теперь составляет одно из основных положений науки государственного права и усвоение которой законодателями всех стран Европы сослужило делу утверждения законности и свободы немалую службу.

«В каждом государстве, — говорит Монтескье, — существует три рода власти: законодательная, исполнительная и судебная. Политическая свобода может быть обеспечена только в том случае, если никакая власть в государстве не будет в состоянии злоупотреблять своими полномочиями, а для этой последней цели

необходимо, чтобы посредством надлежащего распределения полномочий одна власть умерялась другой».

«Не существует еще свободы, если власть судебная не отделена от исполнительной и законодательной. Если бы она была соединена с властью законодательной, власть над жизнью и свободой граждан была бы произвольной, так как судья был бы вместе с тем и законодателем. Если бы она была соединена с властью исполнительной, судья мог бы притеснять».

Но все решительно было бы потеряно, если бы все три власти были соединены в одном лице или учреждении.

Что касается затем организации органов, осуществляющих эти три рода государственной власти, то при изучении английских учреждений Монтескье главное внимание обратил на организацию властей законодательной и исполнительной, а потому и в своем труде вернее и лучше освещает значение того или иного органа этих властей, чем органов власти судебной, по отношению к организации которой у него встречаются просто даже фактические ошибки. Так например, в его время в Англии, как и теперь, суд присяжных действовал под руководством коронного судьи, а между тем Монтескье говорит в главе «об английской конституции», что отправление правосудия должно быть поручаемо не постоянным органам, а временным собраниям представителей народа, совершенно игнорируя таким образом коронные элементы суда, функционирующие всюду совместно с присяжными заседателями.

Законодательная власть в свободной стране — говорит Монтескье — должна принадлежать всему народу, так как в ней всякий гражданин обладает свободной душой и может следовательно управлять собой. Но практически осуществить это начало, особенно же в государствах с обширной территорией и многочисленным населением, просто немыслимо, а потому приходится непосредственное участие всего народа в законодательной деятельности заменить правом избрания представителей, которые уже от имени народа и будут обсуждать и издавать законы. Такой порядок имеет даже некоторые преимущества над непосредственным осуществлением всеми гражданами законодательной власти, потому что, во-первых, возможным станет не простое вотирование законов, только и возможное при слишком многочисленном собрании граждан, но и их обсуждение; а во-вторых, законодателями страны станут лучшие люди, так как оценить способности и достоинства

избираемого легче, чем самому обладать этими достоинствами. Избирательное право должно в принципе принадлежать всем без исключения гражданам, но этого права не только не могут, но и должны быть лишены лица, которые находятся в слишком зависимом положении, ибо за ними невозможно признать способности на самостоятельную деятельность в столь важном деле.

Но в каждом государстве существует класс лиц, резко выделяющихся из массы граждан по своему богатству и происхождению. Они своим выдающимся положением могут возбудить зависть остальных, а потому предоставление им лишь равных с другими избирательных прав поставило бы их в худшее положение сравнительно с положением их сограждан, так как большинство законов было бы направлено против их интересов. Во избежание этого из них должно быть составлено особое законодательное собрание, которому было бы предоставлено право не пропускать постановлений народного представительства и налагать на них свое veto. Но для уравновешения прав палате народных представителей должно быть предоставлено такое же право по отношению к постановлениям собрания аристократов.

Что касается исполнительной власти, то она должна принадлежать монарху, так как для настоящего выполнения своих задач должна функционировать непрерывно и с должной быстротой. Исполнительной власти должно также принадлежать право останавливать и не пропускать постановления законодательных собраний, потому что без этой гарантии самому существованию исполнительной власти грозила бы опасность, так как власть законодательная, не видя границ своим полномочиям, могла бы в один прекрасный день издать закон, в силу которого все отрасли государственной власти переходили бы в ее руки. Законодательной власти за то должно принадлежать право контролировать деятельность органов исполнительной власти; но глава исполнительной власти — монарх — ни в каком случае не подлежит ответственности перед палатами за свои действия. Он настолько необходим в государстве, как сила, сдерживающая в должных границах законодательную деятельность народного представительства, что предоставление палатам права судить его было бы равносильно захвату палатами всей государственной власти, а следовательно и уничтожению свободы. Но зато его советники-министры, за свои дурные советы монарху, должны подлежать ответственности перед палатами.

Власть судебная, по мнению Монтескье, должна быть осуществляема, как сказано выше, представителями народа, избираемыми для этой цели ежегодно. Преступник, не имея перед глазами постоянных трибуналов, будет бояться не судей, а суда. Судьи должны быть одного состояния с обвиняемым, равными ему, чтобы в нем существовала уверенность в том, что они не склонны судить его пристрастно.

Картина подобного государственного устройства, нарисованная в самых общих чертах, не могла не подкупать читателя. Вся XI книга[86], наполненная абстрактными правилами, вытекающими с логической необходимостью из основных посылок автора, несмотря на некоторую сухость изложения, читается с огромным интересом даже и теперь. Понятно поэтому, какое ошеломляющее действие она производила на современников Монтескье, которых увлекали даже явно утопические теории учителей естественного права.

Но если умеренные элементы общества с некоторым страхом внимали призыву учителей естественного права к коренному переустройству общества, так как оно казалось чем-то неизведанным и странным и грозило разрушением всему привычному складу жизни, то в учении Монтескье не было ничего подобного. Тут была картина государственного устройства, существующего в соседней стране и обеспечивающего свободу граждан и привилегии господствующих классов, и неприкосновенность власти короля, и законность.

***

Что бы ни говорили современные доктринеры, старающиеся подкопаться под теорию Монтескье, в основании ее лежит все-таки очень верная мысль.

Старались также доказать, что Монтескье заимствовал свою теорию властей у Свифта (“Discours of the contests and Dissension between nobles and the Commans in Atthens and Rome”[87]), которого автор знал в Англии и с сочинениями которого он несомненно был знаком.

История старая... У всякого великого человека находятся соперники и услужливые критики, старающиеся обобрать его.

Если действительно у теории Монтескье много сходства с теорией Свифта, то это нисколько не лишает его права называться истинным творцом своей теории. Ведь Ламарк[88] писал до Дарвина,

и однако же это не уменьшает заслуг последнего. Не найдется пожалуй мысли, которую в той или иной форме не высказал бы кто-нибудь ранее великого писателя, сделавшего ее достоянием всех. Весь вопрос именно в той форме и убедительности, в которой известная мысль выходит из-под пера автора, в ее развитии и в умении распространить. Не даром же литературная собственность определяется, как право на форму, в которой выражены мысли автора.

Во всяком случае Европа познакомилась с теорией разделения властей из книги Монтескье, и ему обязана в значительной мере той свободой и законностью, которыми пользуется в настоящее время.

Как на пример осуществления его теории, Монтескье указывает на Англию, «конституция которой имеет непосредственной своей целью достижение политической свободы». Он довольно подробно описывает учреждения этой страны и особенно останавливается на тех, которые могут быть заимствованы другими странами, так как не обусловлены какими-либо особыми местными условиями, и для этого несколько обобщает явления действительности.

Позднейшие критики упрекали Монтескье в том, что он не заметил некоторых мелких несоответствий английских учреждений с его теорией. Но они забыли, что, именно благодаря своей общности и согласию в главных основаниях с действительностью, теория Монтескье и могла получить такое широкое распространение, так убедительно действовать на умы. Ведь от того, что планеты, под влиянием близко лежащих тел, уклоняются от эллиптического пути и описывают не совсем правильную кривую, самый закон их движения не делается ложным. Также точно и в политической жизни известные отступления от теории разделения властей могут быть обусловлены чисто местными причинами, не подрывая верности самой теории.

Описание английских учреждений Монтескье пополняет затем подробным описанием политической жизни и нравов этой страны. На этом собственно оканчивается политическая часть «Духа Законов».

Но несомненно, что разумное уголовное законодательство и здравая уголовная политика в вопросе об обеспечении законности и политической свободы имеют также весьма крупное значение — и Монтескье обратил серьезное внимание на эту сторону дела.

Сторонник умеренности в политической деятельности вообще, Монтескье особенно рекомендует руководствоваться ею законодателю при назначении наказаний за преступления. «Не следует вести людей крайними путями», — говорит он. Не умеренность наказания, а надежда на безнаказанность преступления способствует развитию преступности. Поэтому Монтескье восстает против жестоких наказаний, господствовавших в то время, и является противником пытки.

Опыт показал всю верность его мнений, так как с отменой жестоких членовредительных наказаний и смертной казни за сравнительно незначительные преступления, количество обложенных этими наказаниями преступлений не увеличилось, как пророчили сторонники теории устрашения.

Еще более важным пожалуй является влияние, оказанное Монтескье на самое понятие преступления. В его время государство облагало наказанием не только действия, но и некоторые помыслы граждан, что конечно вело к массе несправедливостей, стеснений, ошибок и было лучшим средством угнетения действительных или мнимых врагов правительств и правителей. «Законы, — говорит Монтескье, — должны наказывать лишь внешние действия».

Наказание в известных случаях налагается не за произнесенное слово, а лишь за деяния, средством к совершению которых послужили эти слова. С этой точки зрения Монтескье рассматривает оскорбления величества и религиозные преступления, преследование за которые практиковалось по самому ничтожному поводу. «Зло проистекает, — говорит он, — из идеи, что надо мстить за Божество», — и действительно в его время светская власть брала на себя эту несвойственную ей задачу, смешивая понятия греха и преступления и карая за первый, как за второе. В Испании еще сжигали еретиков.

В этой области Монтескье является прямым предшественником Беккариа[89] и последовавшего за ним целого ряда реформаторов, изменивших коренным образом господствовавшие в Европе варварские понятия о преступлении и наказании и бесцельно жестокое уголовное законодательство.

Таково содержание «Духа Законов», поскольку оно касается вопросов политических. Но в этом сочинении содержится много блестящих страниц, касающихся права гражданского, международного, в нем есть места, которые могли бы послужить

украшением любого трактата по политической экономии; в нем заключается целое исследование по истории феодализма.

К сожалению, за недостатком места, мы не можем остановиться на рассмотрении взглядов Монтескье по всем этим вопросам, затронутым в его труде; но прежде, чем покончить с «Духом Законов», нам надо сказать несколько слов о послужившей основанием к самым жестоким нападкам на Монтескье книге XIV, трактующей «О законах в их отношении к климату страны», т. е. о влиянии климата на социальные явления.

Действительно, теперь нам кажутся странными его рассуждения о том, что непосредственно под влиянием климата складывается национальный характер целых народностей.

Но если принять во внимание состояние естествознания и общественных наук в то время, когда Монтескье создал свою парадоксальную теорию, то мы должны будем скорее удивляться его наблюдательности, чем осуждать поспешность, с которой он обобщил те немногие данные, которые имелись по этому предмету в его распоряжении. Монтескье подметил, что физические условия среды оказывают влияние на общественные явления и, увлекшись этой верной мыслью, преувеличил влияние на них климата. Впрочем здесь сказалась одна из основных способностей ума Монтескье, способность обобщения фактов, составляющая его слабость и вместе с тем силу.

Задача, которую преследовал Монтескье в «Духе Законов», и замысел этого труда настолько грандиозны, понимание целей общественной науки в общем так широко и верно, что при том состоянии, в котором находились вспомогательные для этой науки отрасли знания в его время, он конечно не мог не ошибаться в своих конечных выводах; напротив, просто поражает сравнительно незначительное количество этих ошибок и масса верных взглядов и обобщений, разбросанных на протяжении всего труда. Создание науки об обществе было еще не по силам XVIII веку, и Монтескье сделал больше, чем можно было бы от него требовать.

Монтескье доказал возможность научного исследования общественных явлений с целью пользоваться добытыми результатами для блага человечества и сам, где это было можно по современному ему состоянию соответствующих отраслей знания, начал это исследование. Последующие поколения широко воспользовались его трудами и почерпнули из них много полезных указаний при пересмотре завещанного историей строя общественных отношений.

VI

ПОСЛЕДНИЕ ГОДЫ ЖИЗНИ И СМЕРТЬ МОНТЕСКЬЕ

Утомленный нападками далеко не беспристрастной критики, придирками духовной и светской цензуры, наконец самым успехом своим, в силу которого он сделался предметом поклонения для одних и зависти — для других, Монтескье решился отдохнуть в своем замке и провести там на лоне природы остаток жизни среди любимых литературных занятий. Несмотря на свои пятьдесят девять лет, он был еще бодр и здоров, вполне сохранил свои умственные способности и живой, жизнерадостный характер. Только зрение изменяло Монтескье и на обоих глазах у него образовались катаракты, что сильно затрудняло его занятия, хотя он и тут не терял надежды и надеялся на возможность излечения путем операции. Его раздражала однако невозможность самостоятельно отдаваться литературному труду и необходимость диктовать почти все. «Я задумал план, — писал он своему другу, — расширить и углубить некоторые места моего “Духа Законов”, но стал неспособен на это. Чтение ослабило мои глаза».

В последние годы своей жизни Монтескье тем не менее работал немало и после его смерти осталось несколько неоконченных или неизданных его произведений, написанных им и обработанных за это время[90]. Прежде всего сюда относится начало истории Теодориха Остготского, широко задуманной, но далеко не оконченной; далее — «Арзас и Исмения», повесть из восточного быта, и наконец некролог маршала Бервика, с которым Монтескье подружился в Бордо еще в юности и который, несмотря на значительную разницу в их возрасте, с уважением относился к смелым взглядам бойкого и блестящего юноши.

Кроме того Монтескье хотел обработать для печати свои пространные путевые заметки и начать уже эту работу, которая, если бы ей суждено было дойти до благополучного конца, подарила бы нас еще одним замечательным произведением.

Мало помалу враждебная критика должна была смолкнуть, и «Дух Законов», распространяясь в публике, завоевывал своему автору все новых и новых восторженных поклонников. Чаще и чаще начали появляться хвалебные отзывы, вышло даже несколько целых книг, посвященных «Духу законов», поэты посвящали Монтескье свои стихи, почитатели из публики забрасывали его

своими письмами, наполненными восторженными излияниями и иногда просьбами о разъяснении тех или иных сомнений и недоумений, вызванных чтением «Духа Законов». Наконец более предприимчивые читатели предпринимали нарочно путешествие в Гиень, чтобы поговорить с Монтескье и посмотреть на него поближе. Таким образом и деревня не спасла Монтескье от восторженных почитателей, но конечно в своем замке он чувствовал себя покойнее, так как был хозяином своего времени и, хотя радушно принимал посещавших его лиц, но по крайней мере не обязан был, как в Париже, целые дни трепаться по многолюдным салонам.

Личное знакомство с Монтескье еще более воодушевляло его поклонников, которых он умел обворожить своей любезностью, простотой и умом. Один из них писал после посещения замка Ла-Бред: «никто решительно, будь то талантливый человек или нет, никогда не был более прост, чем Монтескье. Таков он был и в парижских салонах, и в своих владениях, где он гулял по полям, лугам и рощам, отделанным на английский лад, с длинной виноградной тростью на плече и в белом колпаке, и где не раз те, кто являлся засвидетельствовать ему почтение от лица всей Европы, спрашивали у него, принимая его за садовника, где замок Монтескье».

Два посетивших его молодых английских туриста следующим образом описывают свои впечатления: «Вместо сурового и строгого философа, перед нами был веселый, вежливый, полный жизни француз, который, после тысячи любезностей, предложил нам завтрак. Мало помалу для нас сделался настолько незаметным его гений и его возраст, что беседа потекла так свободно и легко, как будто мы были людьми равными ему во всех отношениях. После обеда Монтескье настаивал на том, чтобы мы остались еще, и отпустил нас только через три дня, в течение которых беседа наша была столь же занимательна, как и поучительна. Его секретарь, родом ирландец, проводил нас до Бордо».

Злые языки говорят, что свои досуги Монтескье посвящал в это время воспитанию своего незаконного сына Латапи. Он действительно возился с бойким и живым мальчиком, которому было в это время 9 лет, держал его при себе, гулял с ним, иногда диктовал ему свои заметки, весело болтал с ним и сам следил за его учением. Очень может быть, что Монтескье под старость почувствовал пробел в своей жизни, некоторую пустоту, так как законная семья не удовлетворяла его. Правда, он горячо любил

своих детей, особенно же младшую дочь и старшего сына; но в это время они были людьми взрослыми, обзавелись своими семьями, и потому конечно между ними и отцом не могло быть той близости, какая может быть только между родителями и их детьми, пока последние не вырастут и не начнут более или менее самостоятельной жизни.

Во всяком случае, был ли Латапи сыном Монтескье, или нет, несомненно, что ни воспитание, ни жизнь, ни рассудок, продиктовавший Монтескье наполненные презрением к женщине и семье строки его произведений, не могли заглушить в нем потребности в настоящей серьезной привязанности, которую он и перенес на своего воспитанника. Весьма возможно, что Монтескье изменил даже свои взгляды по этому вопросу, так как его повесть «Арзас и Исмения», в которой речь идет о супружеской любви, и о которой мы упомянули выше, местами выдает настоящие чувства автора, замаскированные блестящими парадоксами.

В 1754 году Монтескье пришлось оставить свой замок и снова ехать в Париж.

Дело в том, что некий Ла-Бомель[91], родом француз, профессор университета в Даннемарке, был одним из первых, открыто выступивших с горячей защитой «Духа Законов» против посыпавшихся на книгу нападок критики. Монтескье получил известие, что этот первый его горячий защитник по требованию французского законодательства был арестован в Пруссии, выдан Франции и засажен в Бастилию, как человек политически неблагонадежный.

Некоторые биографы Монтескье, принадлежащие к его горячим и не всегда беспристрастным поклонникам, говорят, что Ла-Бомель пострадал по доносу Вольтера, но мы не считаем себя вправе утверждать это, так как нигде не нашли заслуживающего доверия подтверждения возводимого на него обвинения.

Монтескье счел своей нравственной обязанностью отплатить Ла-Бомелю и постараться выручить его из беды. Он отправился в Париж, куда и прибыл в декабре месяце. Он энергично стал хлопотать за несчастного профессора, поднял на ноги своих влиятельных друзей, — и ему скоро удалось добиться освобождения Ла-Бомеля.

Монтескье думал поскорее воротиться домой, но его задержали всевозможные приглашения, от которых не всегда можно было отделаться. Он писал в это время из Парижа одному своему приятелю: «Я в ходу в большом свете, очень разбрасываюсь;

пребывание в столице приведет меня к могиле, хотя и по пути, усеянному цветами». Отъезд таким образом откладывался со дня на день, а Монтескье между тем простудился и заболел. Призванный к больному врач Лорри сказал, что у него воспаление легких и нашел положение серьезным. Он сказал об этом секретарю Монтескье, который и дал знать находившимся в Париже его друзьям и родным.

Весть о болезни Монтескье быстро распространилась по городу, и отовсюду приходили справляться о ходе болезни. Сам Людовик XV каждый день посылал на квартиру больного с этой целью графа Ниверне. Мадам Эгильон и мадам Дюпре не отходили от его постели. На третий день был призван самый знаменитый врач того времени, Бувар, который однако ничего уже не мог сделать, — и Монтескье умер 10-го февраля 1755 года. Перед смертью он исповедался у своего друга, иезуита Кастеля.

Был ли это случайный порыв религиозного чувства у человека, сознающего, что он скоро должен покончить свои расчеты с жизнью, или же Монтескье в глубине души был человеком верующим и восставал только против злоупотреблений религиозной власти? Ответить на этот вопрос положительным образом довольно трудно, так как Монтескье никогда не высказывал вполне своих религиозных убеждений.

Он женился на ярой кальвинистке, очень недвусмысленно дал понять посланному папы, что не нуждается в разрешении последнего, чтобы есть скоромное в пост, издевался над монахами и над папой в «Персидских письмах», но вместе с тем посещал свою приходскую церковь, признавал духовенство полезным в государстве, в числе своих ближайших друзей имел аббата Гуаско и иезуита Кастеля.

Г-жа Эгильон передает, что незадолго до смерти Монтескье сказал: «Я всегда почитал религию; евангельская нравственность есть величайший дар, какой только мог Бог послать людям». Нам кажется, что эти немногие слова лучше всего определяют отношение Монтескье к религии.

Действительно, он понимал дух христианского учения, никогда из-под его пера не вышло ни одной фразы, оскорбляющей самую религию. Он был врагом не религии, а злоупотреблений религией, обратившейся в руках папы и католического духовенства в оружие достижения совсем не религиозных целей. Бичуя монахов и папу, Монтескье может быть вполне искренне был убежден, что

служит делу истинного христианства лучше, чем официальные служители церкви.

Похороны Монтескье, происходившие на другой день после его смерти, т. е. 11-го февраля, не отличались особой торжественностью. Тело его было опущено в склеп у церкви св. Женевьевы[92], но во времена революции затерялась его могила, так что почитателям и родным не удалось ее отыскать, несмотря на самые тщательные розыски.

КОММЕНТАРИИ

I. ЖИЗНЬ И ТВОРЧЕСТВО МОНТЕСКЬЕ

А. А. Никонов
Монтескье.
Его жизнь и учено-литературная деятельность

Никонов, А. А. Монтескье. Его жизнь и учено-литературная деятельность (Биографическая библиотека Ф. Павленкова). — СПб., 1893.

Текст печатается в современной орфографии; авторская пунктуация и написание названий и личных имен сохранены.

[1] *Джамбаттиста Вико* (1668–1744) — итальянский философ, основоположник философии истории и этнической психологии. Автор «Новой науки» (1725) — первого систематического проекта философии истории.

[2] Немецкая историческая школа правоведения — интеллектуальное движение XIX в. в изучении немецкого права, исходившая из того, что закон не следует рассматривать как произвольный набор правил.

[3] *Людовик XIV*, также известный как «*король-солнце*» и *Людовик Великий* (1638–1715) — король Франции и Наварры (1643–1715) из династии Бурбонов. Его правление является одним из самых длительных в истории Европы.

[4] «Всеобщий кодекс для прусских государств» должен был вступить в силу 1 июня 1792 г. Однако после событий Великой французской революции король Фридрих Вильгельм II решил пересмотреть проект, который после переработки под названием «Всеобщее земское право для прусских государств» вступил в силу 1 июня 1794 г.

[5] *Генрих Фридрих Карл фом унд цум Штейн* (1757–1831) — юрист и государственный деятель Пруссии. Будучи главой прусского правительства сумел провести реформы по отмене крепостного права в стране и ряд других реформ, обеспечивших экономическое развитие и социальную стабильность Пруссии. В войне 1812–1815 гг. принял сторону противников Наполеона, был на службе у русского императора Александра I и даже впоследствии представлял Россию на Венском конгрессе 1815 г. Уйдя в отставку, организовал немецкий институт изучения Средневековья, выпускающий критические издания в сериях Monumenta Germaniae Historica.

[6] *Джордж Вашингтон* (1732–1799) — первый всенародно избранный президент Соединенных Штатов Америки (1789–1797), председатель Конституционного конвента, выработавшего к 1787 г. Конституцию Соединенных Штатов. Огромное влияние на Конституцию США оказал трактат Монтескье «О духе законов», в котором приведены аргументы в пользу разделения ветвей власти. Монтескье считал, что любой правитель, сосредоточив в своих руках неограниченную власть, начнет ею злоупотреблять, превращаясь в деспота.

[7] *Уильям Блэкстон* (1723–1780) — английский политический деятель, юрист, преподаватель и писатель, историк права..

[8] Конституция Франции 1791 г. была принята Национальным собранием. Во главе этой конституции стояла «Декларация прав человека и гражданина», по которой «единая, нераздельная, неотчуждаемая и неотъемлемая» верховная власть принадлежит нации, а ее представители— законодательное собрание и король.

Конституция VIII года — основной закон Французской Республики с 25 декабря 1799 г. по 4 августа 1802 г. Период ее действия также называется десятилетним консульством. Она фактически устанавливала диктатуру первого консула (Наполеона), но не провозглашала ее прямо.

[9] *Синдик* (др.-греч. σύνδικος) — название ряда исторических и современных должностей. В Новое время синдиком стали называть должностное лицо, ведущее судебные дела какой-нибудь организации, общины или государства. Так существовали городские синдики, синдики учреждения, союза, акционерного общества.

[10] *Гиень* — обширная территория на юго-западе Франции, губернаторство со столицей в Бордо, позднее поделенное на департаменты.

[11] *Гасконь* — историческая область на юго-западе Франции.

[12] *Мишель де Монтень* (1533–1592) — французский писатель и философ эпохи Возрождения, автор знаменитой книги «Опыты», родившийся вблизи Бордо.

[13] *Арианство* — одно из ранних антитринитарных течений в христианстве в IV в., утверждавшее тварное происхождение Бога Сына, и, следовательно, неединосущность Его Отцу по природе либо по сущности. Названо по имени александрийского дьякона Ария (ум. в 336).

[14] *Карл Великий* (742–814) — король франков с 768 г. По имени Карла династия Пипинидов получила название Каролингов. «Великим» именовался еще при жизни.

[15] *Альбигойцы* — последователи еретического христианского дуалистического движения, существовавшего в Лангедоке в XII–XIII вв. и уничтоженного вследствие альбигойских войн.

[16] *Генрих II* (1530–1584) — король Франции с 31 марта 1547 г. из Ангулемской линии династии Валуа.

[17] *Коллеж Жюилли* — учебное заведение под эгидой Французской оратории, функционировавшее с 1638 по 2012 гг. В его состав входили детский сад, начальная школа, коллеж и лицей. Находился в коммуне Жюилли (фр. Juilly) департамента Сена-и-Марна.

Мо (фр. Meaux) — город во французском департаменте Сена и Марна к северо-востоку от Парижа.

[18] Национальная академия наук, литератур и искусств в Бордо — научное общество, созданное в 1712 г. по указу короля Людовика XIV.

[19] *Гугеноты* — приверженцы протестантизма (кальвинизма) во Франции в XVI–XVIII вв.

Нантский эдикт (1598) — закон, который предоставлял гугенотам свободу вероисповедания и богослужения, за исключением Парижа и некоторых других городов. Гугеноты получали право иметь свои школы, занимать военные и административные должности в королевстве, даже иметь на своих территориях крепости. Подписанный Генрихом IV, Нантский эдикт завершил период религиозных войн во Франции. Однако при Людовике XIII многие положения имущественного характера, оговариваемые этим актом, были изъяты, а Людовиком XIV в 1685 г. и вовсе отменен.

[20] Парламенты во Франции — высшие судебные учреждения в XIII–XVIII вв. Отправление главной функции верховной власти (поддержание мира и порядка с помощью правосудия) обусловило особый статус парламента, провозглашенного «главной и суверенной курией королевства», представляющей без посредников персону короля.

[21] *Филипп II, герцог Орлеанский* (1674–1723) — регент Французского королевства при малолетнем короле Людовике XV с 1715 по 1723 гг., племянник Людовика XIV.

[22] *Людовик XV* (1710–1774) — правнук Людовика XIV, король Франции (1715–1774) из династии Бурбонов.

[23] *Unigenitus* (лат. «Единородный») — название буллы, сыгравшей большую роль в истории янсенизма. Папа Климент XI осудил 101 положение из «Моральных размышлений» янсениста П. Кенеля. Это постановление было обнародовано в виде буллы “Unigeuitus” в 1713 г. Франция разделилась на два лагеря — сторонников и противников буллы; первых поддерживало правительство, вторых ободряло сочувствие со стороны парламентов.

[24] *Джон Ло* или *Лоу оф Лористон* (англ. John Law of Lauriston, 1671–1729) — шотландский экономист и финансист, спекулянт, основатель первого

во Франции частного акционерного банка (1716) и создатель финансовой системы времен регентства Филиппа II Орлеанского (так называемой «системы Ло»). Банк, став государственным (1718–1720), выпустил ничем не обеспеченные бумажные деньги и спровоцировал финансовый кризис в стране.

[25] *In ixtenso* — «полностью, целиком» (лат.).

[26] *Пьер Жозеф Тулье д'Оливе* (1682–1768) — французский писатель, член Французской академии.

[27] *Рене-Жозеф де Турнемин* (1661–1739) — французский иезуит и философ.

[28] *Клуб Антресоль* — частный кружок, созданный в Париже в 1724 г. по образцу Английского клуба, члены которого обсуждали экономические и политические вопросы. Деятельность клуба была прекращена в 1731 г. кардиналом Флери.

[29] *Алари, Пьер-Жозеф* (1689–1770) — французский священник и писатель, член Французской академии наук.

[30] *Славная революция* — принятое в историографии название государственного переворота 1688 г. в Англии, в результате которого был свергнут король Яков II Стюарт и королем стал Вильгельм Оранский под именем Вильгельма III. В результате революции в стране была установлена конституционная монархия.

[31] *Генри Сент-Джон Болингброк* (1678–1751) — английский мыслитель и писатель, политический и государственный деятель. Военный министр (1704–1708), затем министр иностранных дел (1710–1714). С 1715 по 1723 гг. — в эмиграции после провала восстания якобитов (приверженцев изгнанного короля Якова II Стюарта), сторонником которых он был. Главное произведение: «Письма об изучении и пользе истории» (1735–1736). Подчеркивал воспитательное значение истории. Автор статьи ошибочно приурочивает ссылку к революции 1688 г.

[32] *Шарль-Ирене Кастель, аббат Сен-Пьер* (1658–1743) — известный французский публицист, один из виднейших приверженцев идеи вечного мира.

[33] *Рене Луи де Войе де Польми, маркиз д'Аржансон* (1694–1757) — французский политик и государственный деятель, государственный секретарь по иностранным делам при Людовике XIV, литератор. Главное произведение — «Размышления о правлении Францией» (1764), где он изложил свои философско-политические идеи, главным образом вопрос о роли демократии и экономической свободы в государстве.

[34] *Луи Робер Ипполит де Бреан граф де Плело* (1699–1734) — французский офицер, литератор и дипломат, автор работ по математике, астрономии, истории и дипломатии, участник собраний «Антресоли».

[35] Диалог был прочитан в Клубе Анресоля в конце 1727 г. или в начале 1728 г. Он был опубликован лишь в 1745 г. в журнале «Меркурий Франции».

[36] *Шантийи* — одна из наиболее значительных аристократических резиденций Франции. В 1632 г. за содействие мятежному герцогу Гасто-

ну Орлеанскому внук коннетабля, Генрих II де Монморанси, был предан смертной казни. Конфискованное поместье перешло к его сестре Шарлотте и ее супругу — принцу де Конде. Их потомки продолжали носить титул герцога Монморанси и жить в Шантийи вплоть до пресечения рода после расстрела герцога Энгиенского в 1804 г.

Людовик II де Бурбон, принц де Конде (1621–1686) — полководец Франции, генералиссимус. Кроме титула принца де Конде, был также герцогом де Бурбоном, де Монморанси, пэром Франции и первым принцем крови.

[37] *Янсенисты* — сторонники религиозно-философского течения в католицизме, выступавшие против иезуитов. Течение оформляется вскоре после выхода книги голландского богослова Корнелия Янсения (1585–1638) «Августин, или Учение святого Августина о здравии, недуге и врачевании человеческого естества, против пелагианцев и массилийцев» (1640), в которой содержался призыв к возвращению к учению Августина о предопределении. Янсенизм был осужден как ересь римскими папами Урбаном VIII (1642), Иннокентием X (1653), Александром VII (1656).

[38] *Жанна Аньес Бертло де Пленёф* (1698–1727)), известная как *маркиза де При* — фаворитка герцога Луи-Анри де Бурбон, первого министра в начале правления Людовика XV. В течение нескольких лет являлась самой могущественной женщиной при дворе юного короля. В 1719 г. она открыла светский «салон» в шато Белесба, неподалеку от Фонтенбло. см. вступ. ст. (прим. 35).

[39] *Мария Анна де Бурбон* (1697–1741) — французская принцесса, старшая фрейлина королевы Марии Лещинской. Дочь Людовика III Бурбона, принца Конде, и его супруги, Луизы Франсуазы де Бурбон, узаконенной дочери короля Франции Людовика XIV и его знаменитой фаворитки Франсуазы-Атенаис де Монтеспан. При дворе была известна как мадемуазель Клермон (см. к вступ. ст. примеч. 36). В 1719 г. мадемуазель Клермон тайно вышла замуж за своего любовника Луи (Людовика) де Мелёна, герцога де Жуайез (1694–1724).

[40] Людовик де Мелён умер от смертельной раны, полученной от лося во время королевской охоты.

[41] *Франсуаза Атенаис де Рошешуар де Мортемар* (1641–1707) , известная как *маркиза де Монтеспан* — официальная фаворитка Людовика XIV с 1667 по 1683 гг., мать его семерых детей.

[42] *Стефани-Фелисите Дюкре де Сент-Обен, графиня де Жанлис* (1746–1830) — французская писательница, автор сентиментальных романов, пользовавшихся широкой популярностью во всей Европе. Ее роман «Мадемуазель де Клермон» (1802) имел большой успех.

[43] Комедия в стихах «Праздник в Белеба» (1725).

[44] *Жан-Марк Натье* (1685–1766) — французский живописец. Его картина «Мадемуазель де Клермон на водах в Шантийи» (1729) находится в замке Шантийи.

[45] Действительно, Монтескье неоднократно отказывался от авторства этого произведения, представленного как перевод с греческого. Однако именно оно наиболее часто переводилось и издавалось. В России оно было издано дважды: Монтескье Ш.Л.; Montesqieu C.L. Храм Книдийский; С французкаго переводил И.С[ичкарев]. СПб. : [Тип. Акад. наук], 1770. 72 с.; Монтескье Ш.Л. Храм Венеры на острове Книде. Поэма в семи песнях. Москва : В вольной типографии Гария и компании, 1804. 96 с. В «Словаре Монтескье» (Dictionnaire Montesquieu) приводится следующая информация о первом издании, опубликованном анонимно в 1725 г.: Paris, Simart, 1725 (avec Céphise et l'Amour) : approbation accordée par la Librairie le 29 janvier 1725 et publication anonyme à Paris chez Nicolas Simart, entre le 26 et le 31 mars de la même année. См.: http://dictionnaire-montesquieu.ens-lyon.fr/fr/article/1376475968/fr/

[46] *Анри-Жак де Комон, герцог де Ла Форс* (1675–1726) — французский аристократ, известный мемуарист и член Французской академии. Основатель (1712) и покровитель Академии в Бордо. Был дружен с Джоном Ло, приобрел большое количество билетов его финансовой системы. Когда она рухнула, путем ухищрений пытался избавиться от этих необеспеченных банковских билетов, вследствие чего Парижский парламент вынес ему порицание в 1721 г.

[47] *Андре-Эркюль де Флёри* (1653–1743) — французский государственный деятель, кардинал, архиепископ Экса, воспитатель Людовика XV. В 1726 г., будучи уже в преклонном возрасте, стал кардиналом и фактическим правителем Франции. Член Французской академии, Академии наук и Академии надписей и изящной словесности.

[48] *Анна-Тереза де Маргена де Курсель, маркиза де Ламбер* (1647–1733) — французская писательница и хозяйка парижского литературного салона, бывшего эталоном прекрасного вкуса, благородства и великолепия «Великого века» Людовика XIV.

[49] *Mercure de France* («Французский Меркурий») — литературный журнал, издающийся в Париже с 1672 г.

[50] Напротив, считается, что это произведение уступает «Книдскому храму». Исследователи отмечают несогласованность частей, отсутствие вкуса, обилие аллегорий (см. http://dictionnaire-montesquieu.ens-lyon.fr/fr/article/1376476035/fr/).

[51] *Бернар Ле Бовье де Фонтенель* (1657–1757) — французский писатель и популяризатор науки, племянник Пьера Корнеля; его творческое наследие обширно и разнообразно. Автор знаменитого «Рассуждения о множественности миров» (1686).

[52] Отрывок «О счастье» (Sur le bonheur) помещен в «Мысли» (les Pensées № 1675).

[53] *Виктор Мари д'Эстре* (1660–1737) — адмирал, маршал Франции.

[54] Автор ошибается — критика Людовика XIV звучит в XXIV письме: «Французский король — самый могущественный монарх в Европе. У него

нет золотых россыпей, как у его соседа, короля Испании, и все же у него больше богатств, чем у последнего, ибо он извлекает их из тщеславия своих подданных, а оно куда доходнее золотых россыпей. Он затевал большие войны или принимал в них участие, не имея других источников дохода, кроме продажи титулов, и благодаря чуду человеческой гордыни его войска всегда были оплачены, крепости укреплены и флот оснащен. Впрочем, этот король — великий волшебник: он простирает свою власть даже на умы своих подданных; он заставляет их мыслить так, как ему угодно. Если у него в казне лишь один миллион экю, а ему нужно два, то стоит ему только сказать, что одно экю равно двум, и подданные верят. Если ему приходится вести трудную войну, а денег у него вовсе нет, ему достаточно внушить им, что клочок бумаги — деньги, и они немедленно с этим соглашаются. Больше того, он внушает им, что его прикосновение излечивает их от всех болезней: вот как велики сила и могущество его над умами!».

[55] *Жорж-Луи Леклерк, граф де Бюффон* (1707–1788) — французский натуралист, биолог, математик, естествоиспытатель и писатель. Бюффон не хотел ссориться с церковью, но именно он провел границу между библейской космогонией и естествознанием. Когда со стороны церкви начались нападки, Бюффон оправдывался, отказывался от своих взглядов, но продолжал писать свое. Богословский факультет Сорбонны постановил сжечь неугодные книги. Лишь благодаря славе Бюффона, его неконфликтному характеру, связям при дворе, ученого оставили в покое.

[56] *Карл VI* (1685–1740) — император Священной Римской империи с 1711 г., последний потомок Габсбургов по прямой мужской линии.

[57] *Карл Эммануил III* (1701–1773) — король Сардинии и герцог Савойский с 1730 г.

[58] *Филип Дормер Стэнхоуп, граф Честерфилд* (1694–1773) — английский государственный деятель, дипломат и писатель.

[59] *Жакоб Верне* (1698–1789) — видный богослов из Женевы, который верил в рационалистический подход к религии. Был близок к кругам французских энциклопедистов, переписывался с Вольтером и Руссо.

[60] «Опыт о вкусе» был впервые напечатан в т.VII «Энциклопедии, или Словаря наук, искусств и ремесел» в 1757 г. в незавершенном виде в качестве продолжения статьи «Вкус», написанной Вольтером.

[61] *Уолпол Роберт, граф Орфорд* (уст. *Вальполь*, англ. *Robert Walpole*; 1676–1745) — британский государственный деятель, самая могущественная фигура политической жизни страны в 1720–1730-е гг. Дольше всех в истории Великобритании возглавлял правительство (1730–1742), считается первым британским премьер-министром. Кружок литераторов, собиравшийся Уолполом (Kit-Cat Club), стал прообразом политических клубов Европы. Огромное состояние, нажитое за время пребывания у власти, Уолпол тратил на приобретение произведений искусства. Его картинная галерея, считавшаяся лучшей в стране, была продана (1778) его внуком Екатерине II и стала основой эрмитажной коллекции.

[62] *Александр Поуп (или Поп)* (1688–1744) — английский поэт, один из крупнейших авторов британского классицизма.

[63] Королева Шарлотта, интересовавшаяся науками и искусствами, была супругой Георга III, короля с 1760 г. В то время, когда Монтескье был в Англии, царствовал Георг II, супругу которого звали Каролина.

[64] *Клодина Александрина Герен де Тансен* (1682–1749) — французская писательница, хозяйка литературного салона, куда перешло большинство посетителей салона маркизы де Ламбер, после смерти последней (1733), в том числе Монтескье, Фонтенель, Сен-Пьер, Мариво и другие.

[65] *Мария Тереза Жофрен* (1699–1777) — хозяйка знаменитого литературного салона, где в 1748–1776 гг. собирались талантливейшие представители интеллигенции Парижа, в том числе большинство посетителей салона госпожи Тансен. Острый ум и необычайный такт г-жи Жофрен, прекрасная организация мероприятий способствовали столь длительному процветанию ее салона. Занималась благотворительностью, в т. ч. поддерживала издание «Энциклопедии».

[66] *Анн-Шарлот де Крусоль де Флоренсак д'Эгийон* (1700–1772) — придворная дама, писательница, переводчица, хозяйка литературного салона, близкая к кругу энциклопедистов. Была дружна с Вольтером и Монтескье.

[67] *Майорат* (от лат. major — старший) — порядок наследования имущества при обычном праве, согласно которому оно целиком переходит к старшему в роду или семье. Позже так стали называться и сами имения, унаследованные согласно такому праву. Этот порядок устанавливается в интересах сохранения целостности семьи или рода.

[68] *Луи Бертран Кастель* (1688–1757) — иезуит, ученый, математик, физик, журналист, изобретатель «цветового клавира». Близкий друг Монтескье, который обратился к нему с просьбой вычитать «Размышления о причинах величия и падения римлян», выделив проблемные для публикации во Франции места.

[69] «Лисимах» был опубликован в "Mercure de France" в декабре 1754 г. Первоначально он появился в «Истории научного и литературного общества Нанси». Издатели журнала предпослали публикации такие строки: «Автор "Духа законов" позволил нам опубликовать следующий отрывок, который он написал для Академии в Нанси. Это художественное творение столь интересно и благородно, что невозможно читать его, не любя и не восхищаясь великим принцем, который является его героем. Этот великий принц, если есть нужно говорить об этом, бывший король Польши, Станислав Лещинский, прозванный "Благотворитель"».

[70] *Октавиан де Гуаско, граф де Ксавьер* (1712–1781) — — итальянский аббат, эрудит, переводчик. Долго жил в Париже, где посещал салон г-жи Тансен. Перевел на итальянский язык «Дух законов». См. примеч. 42 к вступ. статье.

[71] *Этьен де Силуэт* (1709–1767) — философ, министр финансов, фамилия которого стала нарицательной.

[72] *Клод Адриан Гельвеций* (1715–1771) —французский литератор и философ-материалист, энциклопедист.

[73] *Клод Кребийон* (1707–1777) — французский писатель, автор романов в восточном стиле («Шумовка, или Танзаи и Неадарне» (1734); «Софа» (1742), эпистолярных романов, известного психологического романа в мемуарной форме «Заблуждения сердца и ума» (1736).

[74] *Дэвид Юм* (1711–1776) — шотландский философ, историк, экономист, публицист, один из крупнейших деятелей шотландского Просвещения, дипломат. Был дружен или состоял в переписке со многими французскими просветителями.

[75] *Lettres de cachet* —(фр.) — королевский указ о тюремном заточении без суда и следствия.

[76] *Жанна-Антуанетта Пуассон, маркиза де Помпадур* (1721–1764) — официальная фаворитка (с 1745) Людовика XV, на протяжении 20 лет имевшая огромное влияние на государственные дела и покровительствовавшая наукам и искусствам.

[77] Автор объединяет два разных эссе Дидро: «Письмо о слепых, предназначенное зрячим» (Lettre sur les aveugles à l'usage de ceux qui voient, 1749) и «Письмо о глухих и немых, предназначенное тем, кто слышит и говорит» (La Lettre sur les sourds et muets à l'usage de ceux qui entendent & qui parlent, 1751). Вольтер «Опыт о нравах и духе народов» (Essai sur les mœurs et l'esprit des nations, 1756). Руссо «Рассуждение о начале и основании неравенства между людьми (Le Discours sur l'origine et les fondements de l'inégalité parmi les hommes, 1755).

[78] См. примеч. 56.

[79] *Фридрих II, или Фридрих Великий* (1712–1786) — король Пруссии с 1740 г., сторонник просвещенного абсолютизма.

[80] Э. Лабуле в т. 3 «Собрания сочинений» Монтескье дает такую сноску: «Только по сноске г-на Склописа (Sclopis) мне известен «Дух «Духа законов» г-на маркиза де Мальтеста, советника Дижонского парламента (l'Esprit de l'Esprit des lois, par M. le marquis de Maleteste, conseiller au parlement de Dijon. 1 vol., Londres (Paris), 1781). Согласно Склопису, это аналитический отрывок из «Духа законов». (См.: https://fr.wikisource.org/wiki/Page:Montesquieu_-_%C5%92uvres_compl%C3%A8tes,_%C3%A9d._Laboulaye,_t3.djvu/81).

[81] *Кретьен Гийом де Ламуаньон де Мальзерб* (1721–1794) — французский государственный деятель. Назначенный главным директором книжной торговли, он содействовал успехам распространения философии во Франции, при нем появилась знаменитая «Энциклопедия»; он открыто высказывался за свободу печати и боролся с цензурой.

[82] «Защита "Духа законов"» — произведение Монтескье, написанное в 1750 г. в ответ на критику его труда.

[83] *Священная конгрегация Индекса* — учреждение в составе Римской курии, которое совместно с римской инквизицией заведовало составлением

и пополнением папского Индекса запрещенных книг, чтение которых влекло отлучение от Католической церкви. Учреждена в 1571 г., упразднена в 1917 г. Во Франции времен Монтекскье, где инквизиции не было, запреты книг, исходившие от конгрегации Индекса, не считались обязательными.

[84] *Луи-Жюль Манчини-Мазарини, герцог де Ниверне* (1716–1798) — внучатый племянник кардинала Мазарини, посол в Риме в 1748 г. Писатель, покровитель искусств, член Французской академии и Академии надписей.

[85] *Карл IX* (1550–1574) — предпоследний король Франции (с 1560 г.) из династии Валуа. Его правление ознаменовалось многочисленными религиозными войнами и печально знаменитой Варфоломеевской ночью — массовыми убийствами католиками гугенотов в ночь на 24 августа 1572 г.

[86] XI книга посвящена законам, которые формируют политическую свободу в ее отношении с конституцией.

[87] «Рассуждения о спорах и разногласиях между Афинами и Римом» (1701) — первый политический памфлет Джонатана Свифта.

[88] *Жан-Батист Пьер Антуан де Моне, шевалье де Ламарк* (1744–1829) — французский ученый-естествоиспытатель, основоположник первой эволюционной теории развития живого мира (ламаркизма).

[89] *Чезаре Беккариа Бонезана* (1738–1794) — итальянский мыслитель, публицист, юрист, экономист и общественный деятель, один из величайших представителей итальянского Просвещения. Проводил связь между преступлениями и экономическим строем общества. Главное произведение — «О преступлениях и наказаниях» (1764).

[90] Эти произведения Монтескье были впервые изданы в 1783 г.

[91] *Лоран Англивьель де Лабомель* (1726–1773) — французский публицист, преподаватель французской литературы в Копенгагене, прославившийся своей полемикой с Вольтером. Вероятно, он опубликовал «Похвалу Монтескье», присланную ему Мопертюи в 1755 г. Он действительно несколько раз был заключен в Бастилию, но это никак не было связано с защитой Монтескье.

[92] Автор ошибается: Монтескье был похоронен в часовне св. Женевьевы церкви Сен-Сюльпис в Париже. Церковь св. Женевьевы начала строиться по проекту архитектора Жак-Жермена Суффло в 1756 г., а с 1791 г. стала усыпальницей выдающихся людей Франции — Пантеоном.

Тамара Борисовна Длугач
(род. 1935)

историк философии, основные работы посвящены западноевропейской, преимущественно французской и немецкой, классической философии. Главный научный сотрудник сектора истории западной философии Института